

Бретт Холлидей
Убийство на скорую руку
М.: АСТ, 1992

Содержание:

- Бретт Холлидей. Убийство на скорую руку (роман), с. 3-148
- Бретт Холлидей. Смертельный выстрел (роман), с. 149-244
- Бретт Холлидей. Обратный отсчет (роман), с. 245-372
- Бретт Холлидей. Красное платье для коктейля (роман), с. 373-478

Бретт Холлидей

Красное платье для коктейля

ГЛАВА 1

Назвать Эллиен Гаррис красавицей — это все равно, что не сказать о ней ничего. Совершенство высокого стройного тела, волны белокурых волос, мягко ниспадающих на плечи. Неправдоподобная иконопись лица с огромными голубыми глазами.

Обнаженная, она стояла в центре безукоризненно чистой спальни своей нью-йоркской квартиры на Ист-Сайд. Открытый чемодан лежал на полу у аккуратно заправленной двуспальной кровати. В чемодане были любовно упакованы вещи, которые должны понадобиться ей во время двухнедельного отдыха. В саквояж она сложила все, что может потребоваться ночью. На кресле висела одежда, которую Эллиен наденет в дорогу.

Электрические часы на туалетном столике показывали 11.30, когда она услышала звук открываемой наружной двери.

— Герберт? — с тревогой позвала она. — Это ты?

— Кого же еще, черт возьми, ты ждешь в это время? — откликнулся звучный мужской голос из передней, и Эллиен облегченно улыбнулась. Она сдернула с крючка халат и, кокетливо держа его перед собой, повернулась, чтобы встретить мужа.

Это был высокий, плотный мужчина лет за тридцать, с мягкими карими глазами и приятными чертами лица. Одет в темно-серый костюм от «Братьев Брукс», прекрасно облегаящий его фигуру. Небрежно прислонясь к двери, он разглядывал жену сощуренными глазами.

— Я полагаю, — начал он, — будь это кто-то другой, ты бы так быстро не стала набрасывать халат.

— Конечно, нет, — подхватили она, дразня сверкающей улыбкой. — Любой другой мужчина с ключом от нашей входной двери, естественно, предполагал бы увидеть меня готовой к вторжению.

— Боже мой, Эллиен, как ты прекрасна! — восхищенно сказал Герберт.

— Вы также выглядите прекрасно, господин Гаррис. Я ждала вас только через полчаса, никак не раньше, — призналась Эллиен.

Он выпрямился и начал медленно приближаться к ней.

— Я улизнул из конторы... Я должен подумать. Да, черт возьми, ты знаешь, я должен подумать. Ведь я надолго остаюсь без тебя.

— Любимый, я вовсе не хочу тебя покидать. Давай отменим поездку, — сказала она.

Он медленно притянул ее к себе, она крепко прижалась к нему. Халат соскользнул на пол...

Стоя на кухне без пиджака, с закатанными рукавами, Герберт Гаррис осторожно колдовал над графином, готовя коктейль. Помешивая содержимое стеклянной палочкой, он направился через столовую в спальню.

Когда он вошел, Эллиен повернулась к нему спиной и, улыбнувшись, через плечо произнесла:

— Эти проклятые мелкие пуговицы на спине. Герб, будь добр, застегни.

Он поставил графинчик с мартини на стеклянную поверхность комода.

— С удовольствием, дорогая. — Он подошел к ней и начал застегивать блузку сверху вниз, от шеи до тонкой талии.

— Интересно, — пробормотал он, касаясь губами ее волос, — почему ты выбрала в дорогу именно эту блузку? Кто же будет тебе ее расстегивать?

— Я могу ее и сама расстегнуть, глупенький. Я даже могу ее застегнуть, если надо. Но это чрезвычайно неудобно.

— И, конечно, всегда найдется кто-нибудь, кто будет готов тебе помочь, — легким тоном продолжал он. — В конце концов мужчине не обязательно быть мужем, чтобы проделывать эту работу.

Она вздрогнула, как от удара.

— Не говори так, Герб. Даже если ты шутишь. Это не смешно. Ты знаешь, я хотела бы лучше остаться. Это ты настаиваешь.

— Ну все. — Он застегнул последнюю пуговицу и потрепал ее по плечу. — Ровно год назад мы поклялись, что не станем ходить друг за дружкой, как приклеенные. И мы торжественно поклялись, что по крайней мере раз в году будем отдыхать две недели порознь. Итак, поторопись, заканчивай одеваться — выпьем по последнему мартини.

— У нас есть время?

— Вполне достаточно. До выезда в аэропорт у нас есть по меньшей мере минут двадцать.

— Я готова. Осталось только закрыть чемодан.

Она села в кресло у кофейного столика, закурила сигарету, затем взяла свой мартини и с удовольствием потянула через соломинку.

— Знаешь, Герб, — сказала она спокойно, — я серьезно: к черту идею о моей поездке в Майами. Я возненавижу каждую минуту своего пребывания там, думая, что ты здесь, в Нью-Йорке, будешь воображать всякие грязные вещи обо мне и других мужчинах. Я люблю тебя, Герб.

Герберт Гаррис горячо сказал:

— Я знаю это, Эллен, дорогая. Я чувствую это каждую минуту. И все-таки считаю, что путешествие необходимо. Я не собираюсь здесь сидеть и «воображать». Будь я проклят, любимая. Если бы я не знал, что ты будешь мне верна...

Она откинулась на спинку кресла, разглядывая бокал, и затем с вызовом опорожнила его. Герберт поднялся и вновь наполнил ее бокал. Остаток содержимого графина налил себе и сказал, успокаивая и ее, и себя: «Поразвлекайся в Майами, как это делают интеллигентные люди: съезди в Хайали и поставь на лошадей, выпей чего-нибудь у Кока, поиграй в рулетку в «Коралловом Казино». Обо мне не беспокойся. Все будет прекрасно!»

Эллен пригубила напиток и посмотрела на мужа изучающе из-под опущенных ресниц.

— Я не буду беспокоиться, Герб. Я надеюсь, что и ты повеселишься. Пригласи ребят из офиса поиграть в покер. Я не хочу, чтобы ты убирал в квартире, пока меня не будет. Не мой посуду... даже стаканы. Мы с Розой вчера все отполировали до блеска. Она придет только через две недели, в понедельник. Я попросила ее потрудиться денек, чтобы привести все в порядок. Поэтому веселись без забот, дорогой. Сложи грязную посуду, пусть Роза позаботится о ней потом. Обещаешь?

— Конечно, обещаю тебе, — хрипло произнес он. — Ты тоже повеселись в Майами. И скучай по мне. Когда я снова тебя увижу...

Герберт Гаррис поднялся на ноги, его лицо странным разом преобразилось, он протянул руки жене. Она посмотрела на него, не поднимаясь из кресла.

— Да, конечно, все будет хорошо, Герб. — Я тебе позвоню в контору после обеда, как только устроюсь в отеле.

Ты будешь... осторожен, да, дорогой?

— Конечно, — ответил он.

ГЛАВА 2

Прибытие в один из дорогих отелей Майами-Бич красивой женщины без спутника — явление привычное.

Но когда высокая блондинка в прекрасно сшитом голубом шелковом костюме пересекала вестибюль отеля «Бич-Хэвен» в четыре часа пополудни, множество голов повернулось в ее сторону. Следом за новенькой шел посыльный с чемоданом и саквояжем в руках. Было в этой женщине нечто совершенно необъяснимое — то, что выделяло ее из тысячи не менее красивых и стройных обительниц Майами-Бич.

Джустас Лоуфорд — так звали портье — отличался стройным ростом, изысканностью манер и сообразительностью. Он подтянулся, быстро проверил, в меру ли его манжеты выглядывают из-под рукавов пиджака, дотронулся до небольшой черной бабочки на белоснежной рубашке и устремил навстречу блондинке легкую, приветливую улыбку. Это была вовсе не раболепная улыбка, но в ней не осталось и следа того высокомерного превосходства, с коим он привык встречать каждого прибывающего гостя. Она положила большую, явно дорогую сумку рядом с собой на стойку и, снимая белые перчатки, сказала:

— Для меня заказан номер, я миссис Герберт Гаррис. Голос у нее был низкий, с хрипотцой и прозвучал он каким-то образом очень интимно. Она посмотрела на него своими огромными голубыми глазами уверенно и прямо, но тут же опустила длинные ресницы, погасив взгляд.

— Конечно, миссис Гаррис, — сказал он, обескураженный дискантовой нотой, которая неожиданно прорезалась в его голосе. Джустас Лоуфорд отвернулся, чтобы просмотреть список имен, раздосадованный на себя, и на женщину, которая вызвала в нем такую реакцию. Чуть позже, когда он положил перед ней регистрационную карточку и ручку, тон его был уже деловым:

— Вы на две недели, миссис Гаррис? Одна?

Она кивнула и, склонив светлую голову, аккуратно подписала карточку. На миг на него повеяло тонким ароматом дорогих духов. Не поднимая головы, миссис Гаррис сказала своим низким голосом:

— Мой муж не смог оставить дела. — И добавила со смешком: — К тому же он сторонник очень современной идеи: дескать, женатые пары должны проводить отпуск врозь. А я не совсем уверена... — Она слегка нахмурилась. — Вам тоже эта идея кажется блестящей?

Она задала вопрос с такой неподдельной наивностью, что Джустас Лоуфорд не удержался от широкой улыбки.

— Я холостяк, миссис Гаррис. Но если бы я был женат на... — Он вовремя оборвал себя, едва не сказав: «На такой красавице». — Я просто не знаю, — добавил он неловко. — Мы предлагаем вам номер 326, миссис Гаррис. Замечательная комната с видом на море. Я уверен, вам там будет очень удобно.

— Я только надеюсь, что не будет слишком скучно, — вздохнула она с капризной гримаской.

— Вы впервые в Майами?

— Да. Боюсь, что я тут не знаю ни души.

— Не волнуйтесь, — сердечно сказал он. — Наша очаровательная хозяйка постарается, чтобы вы долго не скучали — у нас тут много развлечений.

— Пожалуйста, — попросила она, — не следует утруждать вашу хозяйку. Но я бы хотела взять напрокат автомобиль на время своего отдыха. Вы можете это сделать для меня? Мне кажется, что на моей кредитной карточке указана одна из компаний, сдающих машины напрокат.

Она вынула кредитную карточку и положила перед ним.

— Я тотчас же позвоню Авису. В конце мы вам представим счет, миссис Гаррис, и в нем проставим сумму проката.

— Действительно, как все просто! Мой муж всегда мне напоминает, чтобы я чаще использовала карточку. Вы можете попросить, чтобы машину доставили сразу же? Желательно, с открытым верхом. Все равно какой марки.

— Она будет у дверей через полчаса, миссис Гаррис. — Карточка произвела на него впечатление, и, возвращая ее, он сказал: — Когда вы будете уезжать, вам останется только подписать счет.

— Вы очень любезны, — она опустила карточку в сумку и щелкнула замком. — Вас не затруднит позвонить мне, как только машина появится? Я думаю, что до темноты успею немного покататься.

— Да, конечно. — Он кивнул посыльному. — Проводи миссис Гаррис в 326-й.

«Лакомый кусочек», — подумал Джустас Лоуфорд, наблюдая, как она идет к лифту. — «Боже, если бы я был женат на такой...»

С выражением крайнего высокомерия он переключил внимание на толстую даму, уже проявлявшую нетерпение:

— Могу я наконец получить свой ключ, молодой человек?!

Посыльный с чемоданами в руках почтительно ожидал Эллен Гаррис у лифта на третьем этаже.

— Налево, мэ.м.

Она попросила:

— Иди вперед.

Посыльный был очень высок, широкоплеч, с черным ежиком волос. Она следовала за ним по ковровой дорожке, оценивая молодое, гибкое тело в хорошо сидящей ливрее темно-стального цвета с желтыми эполетами и золотыми полосками на рукавах. Он остановился у двери с табличкой 326, отворил ее и отступил, пропуская Эллен. Она прошла мимо него намного ближе, чем требовалось, и попала в большую приятную комнату с двумя огромными окнами. Внизу она увидела безбрежный Атлантический океан. Посыльный вошел, поставил чемодан на багажную полку, саквояж на пол, выпрямился и увидел, что женщина отвернулась от окна и с улыбкой разглядывает его.

— Как тебя зовут? — Ее голос стал почему-то хриплым.

— Билл Томсон, мэ.м. Вот кондиционер, термометр — на стене. А телевизор здесь...

Она вызывающе широко улыбнулась:

— Не слишком ты юн, чтобы работать в отеле, Билл? Ты мне больше напоминаешь футболиста из колледжа.

Он слегка покраснел.

— Да, я учусь на старшем курсе в университете. Здесь я подрабатываю. Я проверю полотенца...

— Он с трудом оторвал смущенный взгляд от ее лица и пошел в ванную.

Когда он появился через минуту, она стояла разъяренная возле кроватей.

— Они посмели дать мне комнату с двумя постелями? Я люблю спать на двуспальной кровати, а ты, Билл?

— Ну, по правде говоря, я никогда об этом не думал.

Она улыбнулась:

— Через несколько лет, Билл, ты тоже начнешь думать об этом. У тебя нет подружки?

— Нет... нет пока, — он опять стал заливаться краской, разглядывая свои руки. Как она на него посмотрела! Их разделяли не менее десяти футов, но ему казалось, что он чувствует тепло, исходящее от ее тела. Не поднимая глаз, он пробормотал: — Если вам больше ничего не нужно, мэ.м... — и повернулся к открытой двери. Эллен пересекла комнату и тихо прикрыла дверь.

— А если вдруг мне что-нибудь понадобится?

— Я здесь для того, чтобы выполнять все, что вы захотите.

— Все? — переспросила она.

— Конечно, то есть...

Она мягко рассмеялась:

— Не красней, как девушка, Билл. Я вовсе не собираюсь соблазнять тебя. Во всяком случае, не сейчас, середь бела дня. Кроме того, ты на работе. Они могут заподозрить что-нибудь, если ты так долго задержишься в комнате у женщины.

— Да, мэ.м, — с отчаянием сказал он. — Обязательно заподозрят.

— Я тебя попрошу только открыть чемодан. Ключ все время заедает.

Он поспешно повернулся к чемодану, открыл его и поставил на пол. Она подошла к юноше и, открыв сумку, вытащила деньги. Он увидел пятидолларовую бумажку, которую она вложила ему в руку, легко коснувшись его пальцев.

Билл растерялся:

— Вы не ошиблись? Это не слишком много, мэм?

— Это всего лишь деньги, Билл, — рассмеялась она. — У меня их много, я должна из прокутить недельки за две. Как ты думаешь, Билл, у меня будет возможность поразвлечься здесь? — спросила она немного печально. — Или ты думаешь, что такой глупой и старой, как мне, даже не на что надеяться?

— Вовсе вы не старая, — искренне сказал он, сглатывая слюну. — Вы...

— Ну какая я, Билл?

Она придвинулась к нему, и его захлестнула ароматная волна ее духов. Он судорожно сжал в кулаке бумажку и выпалил залпом:

— Вы прекрасны.

Она отступила от него и легко проговорила:

— Ах, оставь. Мне кажется, ты всем женщинам говоришь комплименты, надеясь получить чаевые.

Не глядя на нее, он бросил пятидолларовую бумажку на пол и с ненавистью пробормотал:

— Если вы так думаете, забирайте свои деньги обратно.

Повернувшись, он зашагал к двери. Низкий, интимный голос остановил его:

— Не уходи сердитый, Билл. Когда ты сменишься?

— Ночью, в двенадцать, — Билл стоял не двигаясь. Он сочувствовал, что Эллен приближается, но упрямо остался на месте. Она замурлыкала ему в ухо:

— Я чувствую, что буду скучать сегодня ночью, Билл, если захочешь чего-нибудь выпить на ночь... почему бы тебе не постучать ко мне в дверь.

— Я... видите ли... — он выскочил в холл с горящим лицом. Он понимал, что должен бежать отсюда, как от чумы, но при этом уже знал, что обязательно вернется сюда — ровно в полночь, после своего дежурства.

Эллен Гаррис счастливо улыбнулась, когда дверь закрылась, и, напевая какую-то легкую мелодию, посмотрела на ручные часики. Она обещала Гербу позвонить из отеля, как только устроится. Его можно еще застать в офисе. Сняв трубку, она сказала телефонистке отеля: «Я хочу заказать разговор с мужем в Нью-Йорке, — помолчав, добавила: — мистером Гербертом Гаррисом». Назвала номер и стала ждать. Через минуту она услышала голос Герберта: «Алло, это ты, Эллен?»

— Герб? — в ее голосе звучали легкость и радость. — Как ты, дорогой?

— Отлично. А как дела в южном королевстве?

— Все чудесно, милый. Солнышко горячее, океан голубой, отель отличный. Путешествие было приятным. Я скучаю по тебе, Герб.

— Не больше, чем я по тебе.

— Ну, ничего, потерпи, — радостно засмеялась она. — Ты только представь: я наняла машину. Ее должны вот-вот подогнать. Я хочу покататься немного, пока не стемнеет. И отель, и машину, и все-все я вношу в карт-бланш, Герб. Правильно?

— Конечно, правильно. На то и кредитные карточки. — Он помолчал немного, затем добавил: — Я люблю тебя.

— О, Герб, милый, я тебя тоже люблю. — После минутного колебания Эллен добавила: — Они тут набрали самых сообразительных посыльных. Университетские футболисты — не более, не менее. Ты посмотрел бы на одного, который доставил меня наверх. Мне кажется, я не буду здесь скучать.

— Послушай-ка! — его голос стал резким, но затем он рассмеялся: — Хорошо, развлекайся. Перезвони через пару дней, идет?

— Постараюсь, милый. Ты тоже не скучай. Спокойной ночи.

Герберт Гаррис из Нью-Йорка пожелал ей в ответ спокойной ночи, и связь прервалась.

Опустив трубку на рычаг, она встала, подошла к восточному окну и стала зачарованно смотреть на океан. В конце концов, зябко пожившись, она вернулась в комнату, стянула с себя

шелковый жакет и бросила его на одну из кроватей. Выскользнула из юбки, подошла к открытому чемодану и выбрала платье с низким вырезом из переливающегося шелка цвета пламени. Через десять минут зазвонил телефон, она вышла из ванной с губной помадой в руках и подняла трубку. Швейцар отеля сказал, что машина, взятая напрокат, стоит у дверей и ждет ее. Она поблагодарила, сказал, что немедленно спускается вниз. А десять минут спустя Джустас Лоуфорд вновь имел возможность наблюдать, как Эллен Гаррис пересекает вестибюль. «Платье для коктейля, — отметил он, — явно шаг вперед по сравнению с тем костюмом, который я видел на ней в первый раз». Затем представив, как она выглядит в прозрачной ночной сорочке, Джустас Лоуфорд со вздохом посмотрел на вертящуюся дверь, за которой исчезла Эллен.

Асфальт ярко сиял от слепополуденного тропического солнца, и так же ярко сияла форменная фуражка швейцара, когда Эллен подошла к нему и сказала:

— Я миссис Гаррис из 326-го. Моя машина здесь?

— Да, миссис Гаррис, — он протянул ей ключи на брелочке и подвел к открытому кремового цвета «понтиаку» с опущенным верхом. Швейцар открыл дверцу, Эллен скользнула на мягкое сиденье машины и спросила:

— У отеля есть гараж?

— С другой стороны отеля есть бесплатная стоянка, мадам.

Он указал на бумажку, приклеенную к ветровому стеклу, на которой было написано: Отель «Бич—Хэвен».

— Вы можете оставить машину у дверей, чтобы я поставил ее. А как только она вам понадобится, мы ее подгоним. Вы также сами можете поставить ее и взять в любое время, когда захотите. Все бесплатно. Но когда будете ставить, ключи обязательно возьмите с собой, мадам — ночью у нас нет служителя.

Мотор тихо заурчал, и машина мягко тронулась с места.

ГЛАВА 3

В коктейль-баре отеля «Бич-Хэвен» в семь часов вечера было безлюдно. Первая волна посетителей уже схлынула, и у стойки бара лениво проводили время несколько завсегдатаев. Два кабинета были заняты, а несколько пар за маленькими столиками, не торопясь на ужин, наслаждались коктейлями.

Бармена звали Тайни-Малыш. Он был ростом в шесть футов и в талии четыре. Весил немногим больше, чем триста фунтов, носил двадцатый размер воротничка. Когда-то он был профессиональным борцом, но теперь решил, что работа у стойки подходит ему больше. Особенно в таком баре, как бар отеля «Бич-Хэвен». Здесь может произойти все, что угодно, в любое время. И зачастую что-то действительно происходит. Взять, например, вот эту блондинку, которая вошла через дверь, выходящую на стоянку машин отеля. Ей-богу, красotka! И новенькая. А это броское красное платье для коктейля! Свободно ниспадающее и в то же время подчеркивающее формы. К тому же элегантно. И держится гордо, уверенно. Задумчивый взгляд больших светлых глаз скользил по незанятым столикам и высоким стульям у бара, пока не остановился на физиономии Тайни, наблюдавшего за ней. Она улыбнулась ему, как знакомому, хотя Тайни точно знал, что она никогда прежде здесь не бывала. С безупречной грацией она пересекла бар и остановилась за рядом пустых стульев перед Тайни.

— Есть ли какие-то ограничения в баре для женщины без спутника?

— Нет, конечно... Будьте как дома.

Она легко и уверенно устроилась на обитом кожей стуле, положила локти на стойку и, сняв перчатки, подперла голову руками.

— Я всегда удивлялась, почему это в некоторых местах женщине прилично сидеть одной за столом, а в баре нет.

— В Майами этому не придают значения. Вы здесь в первый раз?

— Да. — Она еле заметно вздохнула. Взмахнув длинными ресницами, вопросительно взглянула на него:

— Что бы вы порекомендовали выпить?

— Даже не знаю. Все зависит от вашего вкуса.

— Дома я почти не пью. Моему мужу это не нравится. Но сейчас чувствую потребность. Хочу как-то расслабиться. Не слишком, но... — затем, с вызывающей ноткой: — А почему бы действительно не расслабиться?

— Нет причины для отказа, мадам. Назовите только, что вы хотите.

— Дайкири? — она очаровательно вздернула голову.

— Тот, который делается с ромом?

— С удовольствием.

— Сейчас мы приготовим дайкири.

Тайни повернулся, чтобы заняться коктейлем. Она открыла сумочку, достала сигарету, прихватила ее губами и стала наощупь искать зажигалку, и тут приятный мужской голос позади нее произнес:

— Можно мне? Вы позволите? Слева от ее сигареты возник огонек.

Эллен посмотрела в зеркало над баром, где отразилось худощавое, улыбающееся лицо, загорелое, белозубое. Она заметила еще, что у мужчины каштановые волосы. Эллен прикурила, затянулась. Выпуская дым, вежливо произнесла: «Спасибо». Он также вежливо ответил: «Не стоит благодарности», — и сел на стул рядом с ней. Она спокойно опустила ресницы и защелкнула сумочку. Тайни поставил на бумажную салфетку перед ней полный, на высокой ножке и расширяющийся кверху бокал. Мужчина заказал:

— Бурбон и воду, пожалуйста, Тайни.

— Один момент, — голос Тайни прозвучал ворчливо.

— Так его зовут Тайни? — обернулась Эллен к незнакомцу.

Он в ответ усмехнулся.

— Конечно. Если это его настоящее имя.

— Понятно, — сказала она и медленно сделала глоток из бокала. — Великолепно, Тайни. Это то, что меня спасет.

— От чего? — с интересом спросил мужчина.

— От того, что беспокоит меня. Какое-то чувство потерянности, неопределенности. Не знаю, чем бы мне заняться...

— Почему бы просто не поразвлечься? Ведь Майами-Бич предназначен для этого.

— Я очень хочу, — было что-то жалобное в ее тоне. — Но не знаю, как. — Она сделала еще один долгий глоток из бокала. — Впрочем, это мне, кажется, поможет.

— А я не смогу вам помочь? — спросил он. — Не хочу слишком навязываться, но... меня зовут Джин Блейк.

— Мне вовсе не кажется, что вы навязчивы. Меня зовут Эллен Гаррис. Миссис Герберт Гаррис, — быстро добавила она.

Он сделал большой глоток из бокала и покрутил его между пальцев. Не глядя на нее, он спросил:

— Что Герберт делает сегодня вечером?

— Он в Нью-Йорке, — в ее голосе прозвучала едва заметная враждебная нотка, — он искренне убежден в том, что мужа и жены должны время от времени расставаться.

— Совершенно с ним согласен, — сказал Джин. — Я одобряю Герберта. Определенно одобряю. Почему бы вам не допить дайкири, Эллен?

Она мягко сказала:

— Да, вероятно, надо допить, прежде чем я помчусь отсюда.

— Куда же вы помчитесь?

— Подальше от вас.

— Обрато к Герберту?

— О, нет. Я не могу вернуться раньше, чем через две недели.

— Две недели? — Он повернулся, изучая ее лицо пока она допивала бокал. — Не было ли когда-то книги, которая называлась «Три недели» Элеоноры Глинн, а?

— Не знаю, а что?

Джин проглотил остаток виски и сказал Тайни:

— Еще два, пожалуйста, — а затем ей, когда Тайни отвернулся, чтобы смешать напитки:

— Мне только что пришла в голову блестящая идея: бьюсь об заклад, что если бы мы с вами объединили наши усилия, то добились большего, чем смогли действующие лица этого романа за три недели.

— Чего добились бы? — спросила она, сощурив глаза и покусывая нижнюю губу с таким видом, будто не очень-то следит за темой разговора.

— Веселья, — сказал он. — Разве не за этим мы сюда приехали? Простого, неомраченного, чистого, безудержного веселья, когда забываешь обо всем.

Тайни подал им напитки. Джин Блейк достал чековую книжку и попросил:

— На один счет, Тайни.

— О, нет. Не надо. Я могу за себя заплатить, спасибо. И за вас тоже.

— Но я хочу...

— Дайте мне счет, пожалуйста, — она властно протянула руку, Тайни вручил ей счет, подняв вопросительно бровь на Блейка. — И карандаш, пожалуйста, — и затем объяснила Джину: — Это мой отель. Я буду чувствовать себя лучше, если подпишу счет сама. Я уверена — и Герберту будет лучше, если я подпишу его.

Она взяла у Тайни карандаш и старательно подписалась: «Миссис Герберт Гаррис. 326»

— Я бы чувствовала себя продажной девкой, позволь я вам уплатить за коктейли, мистер Блейк, — объяснила она. — А вы, надеюсь, понимаете меня, Тайни? — обратилась она к бармену.

— Да, мадам, конечно, я понимаю, — Тайни держал подписанный счет двумя пальцами.

— В следующий раз, — сказала она, — в вашем отеле вы сами можете подписывать. По-моему, это справедливо, не так ли? — Она залпом опорожнила бокал и твердо поставила его на стойку.

— Так где же азартные игры, ночные клубы, безумство? — потребовала она. — Как-будто я не покидала Парк-авеню.

— Вы хотите поиграть?

— Очень хочу поиграть и много. Вы знаете, куда пойти?

— Я знаю все места на побережье, — сказал Джин Блейк.

Он положил чаевые — долларовую бумажку — возле своего пустого бокала. — Беда только в том, что моя машина в гараже на ремонте. Придется вызвать такси.

Он соскользнул со стула, избегая полувосхищенного, полуобвиняющего взгляда Тайни, и твердо взял ее под руку.

— До свидания, Тайни, — сладко улыбнулась она бармену, а Джину Блейку сказала:

— Нам не надо такси. У меня есть машина. Симпатичная, маленькая, с открытым верхом.

Сегодня взяла напрокат на две недели.

Тайни заскрипел зубами, наблюдая, как они вместе двигались к выходу на стоянку.

Этот Джин, — говорил он себе сердито и завистливо, — ей-богу, заполучил... И какой кусочек! Денежный и сексуальный..., а это ничтожество — ее муженек в Нью-Йорке — будет счета оплачивать. Так ему и надо! — думал мстительно Тайни. Он-то слышал, как она говорила Джину, что ее муж считает: женатые пары должны разлучаться время от времени. — Видимо, — думал Тайни, — у этого мистера Герберта Гарриса есть какая-то красотка, с которой он собирается весело провести время, пока его жена отдыхает в Майами. Ну и черт с ними! Почему бы ей не поразвлечься с Джином? — решил он. И только подумал: — Когда же он теперь вновь увидит миссис Гаррис?

ГЛАВА 4

Марте Хейс очень нравилось быть горничной в отеле «Бич—Хэвен». Она работала на третьем этаже уже шесть месяцев, и работа ей ни разу не показалась монотонной. Постояльцы часто менялись. Богатые люди с Севера приезжали и уезжали, в большинстве случаев оставаясь неделю—другую. Этого было достаточно, чтобы запомнить улыбчивую и услужливую цветную служанку, которая убирала их комнаты и всегда старалась оказать любую дополнительную услугу для их удобства и комфорта.

Многие из гостей, уезжая, оставляли довольно—таки солидные подарки горничной, которую и знали—то всего неделю. Чаще всего Марта находила на столике бумажку, иногда одежду, которая, видимо, не влезала в их чемоданы, так как они были набиты новыми вещами, купленными во время пребывания на Линкольн—роуд.

Для Марты это всегда являлось приключением: открыть дверь и войти в комнату, которую гость только что покинул. С таким же удовольствием она входила и во вновь занятый номер. После шестимесячной практики Марта научилась безошибочно распознавать постояльцев по их вещам — как они разложены — и по тому, в каком виде оставлены ванная и сам номер. Больше всего Марте нравились одинокие мужчины — но они приезжали не так уж часто — а еще неженатые пары. Как правило, она сразу могла определить: эти не женаты, а других могла заподозрить только через несколько дней при уборке комнат.

С точки зрения Марты, самой лучшей была комбинация очень богатого мужчины среднего возраста и молодой женщины, которая никогда не видела настоящего богатства. Они давали больше всех. Он — потому, что чувствовал себя счастливым и виноватым, и хотел произвести впечатление на свою молодую подружку, а она — потому, что знала: все кончится через несколько дней или недель. Поэтому она получала какое—то нездоровое наслаждение, транжиря деньги, которые ей не принадлежали.

Самыми скучными были одинокие женщины, которые прибывали в «Бич—Хэвен» гуртом, чтобы провести одну—две недели своего отпуска в непривычной роскоши дорогого курортного отеля. Многие из них весь год экономили, чтобы позволить себе такую поездку, которая может закончиться замужеством. Разочарованные, они не были склонны при отъезде тратить что—то из своих скромных сбережений на горничную в отеле.

Стучась в номер 326, Марта знала в то утро, что новая хозяйка номера — замужняя женщина по имени миссис Гаррис из Нью—Йорка, комнату заказала две недели назад. Все горничные получали сведения о вновь прибывающих — предупредительная мера со стороны руководства.

Немногим позже одиннадцати Марта подошла к 326—му номеру. Она постучала скорее из вежливости, чем по необходимости. Было бы невероятным, если бы в свое первое утро на Майами—Бич миссис Гаррис все еще находилась в номере.

Не услышав отклика из комнаты, горничная вставила в замок ключ и вошла. Окинула опытным взглядом пустую комнату. Ни одна постель не тронута. На них даже не сидели. Открытый чемодан лежал на подставке для чемоданов — навротив шкафа. Миссис Гаррис не удосужилась даже разобрать вещи. Кое—что в чемодане она переложила в другую сторону, и Марта подумала, что дама, вероятно, вытащила какое—то платье, чтобы переодеться к вечеру, потому что жакет от голубого шелкового костюма лежал у кровати, а юбка от этого же костюма валялась на полу возле ванной комнаты. Саквояж стоял нераскрытым рядом с чемоданом, а на столике трюмо не было видно предметов туалета. Окна закрыты, кондиционер не включен. У двери ванной комнаты Марта увидела пару прекрасных голубых туфель на шпильках.

Горничная оставила маленькую тележку с моющимися средствами и чистым бельем в дверях и шагнула к двери ванной. Она остановилась, подняла голубые туфли, нежно их погладила, любуясь мягкой кожей и прекрасной работой, на секунду представив себе маленькую, с высоким подъемом ножку, которая небрежно их сбросила. Марта осторожно поставила туфельки в пустую нишу для обуви, вернулась в комнату, чтобы подобрать голубой жакет и юбку и аккуратно повесить их в шкаф. На полу ванной лежала белая шелковая скомканная блузка. Банное пушистое полотенце для рук было мокрым, мыло вынута из гостиничной упаковки и положено в мыльницу.

Марта тщательно вымыла ванну, протерла стены. Подобрала блузку с пола, повесила ее на крючок в шкафу. Она взяла с тележки тряпочку и не менее трех минут протирала телефон, пепельницу возле него, в которой были следы пепла, а затем, беспорядочно размахивая тряпкой, смела невидимую пыль с безукоризненно чистых поверхностей.

Она заменила в ванной полотенца и закрыла за собой дверь 326-го номера не позже, чем через десять минут после того, как вошла в него. Она с интересом подумала, где бы могла миссис Гаррис провести ночь, и безо всякой зависти решила, что той, наверное, не было скучно. Ну что ж, Марте даже лучше — меньше работы. И кроме того, если уж миссис Гаррис в первую ночь по приезде в отель не спала в номере, значит она не из тех разочарованных крохоборок, которые через две недели, возвращаясь в Нью-Йорк, будут скорбеть о том, что потратили намного больше, чем могли себе позволить, не получив ничего взамен.

Затем она вошла в номер 328, где проводила медовый месяц молодая пара из Балтимора, и обнаружила тот же самый беспорядок, которой они оставляли каждое утро. Но она не сердилась на них, так как это были очень приятные молодые люди. Совершенно ясно, что они влюблены друг в друга и до конца наслаждаются каждой минутой своего медового месяца. Поэтому ей доставляло большое удовольствие превращать комнату для этой милой пары в уютное и комфортабельное гнездышко, хотя она предполагала, что и двух долларов не получит, когда молодожены будут уезжать.

Она больше не думала о ночном отсутствии миссис Гаррис из номера 326. Лишь закончив дежурство, Марта Хейс доложила об этом письменно эконому отеля, что входило в ее обязанности.

Роберт Меррил, главный офицер безопасности отеля «Бич-Хэвен», прочитал рапорт о нетронутости номера 326 в семнадцать часов. Он состоял из двух машинописных строчек в конце докладной. Докладная эта мало чем отличалась от всех подобных, которые Меррил получал в своей конторе каждый день после обеда. Большинство из них были такими же нестоящими и ничего не значили для администрации, как и докладная Марты о номере 326. Ни он, ни руководство отеля не придавали значения тому, кто с кем спал, какие дикие оргии иногда происходили в номерах, до тех пор, пока не были нарушены установленный порядок и покой других постояльцев, а также до тех пор, пока гость не лишался кредита доверия. Последнее составляло наиболее важную часть работы Меррилла. Его наняли, и ему требовалось: следить, чтобы в отеле «Бич—Хэвен» не процветало мошенничество среди отъезжающих гостей.

Таким образом, самое незначительное отклонение от нормы отмечалось каждым служащим, и отчет незамедлительно ложился на стол Меррилла. Очень немногие гости догадывались о способах наблюдения за каждым часом их пребывания в отеле. Если бы они знали, большинство из них стало бы энергично протестовать против вторжения в частную жизнь. Но протестами они ничего не добились бы. Если клиентам удавалось быть благоразумными во время пребывания в отеле и полностью оплачивать счет, их относили к разряду желанных гостей — в любое время года.

И когда Роберт Меррил отметил в докладной горничной с третьего этажа, что миссис Гаррис из Нью-Йорка не ночевала прошлой ночью в номере, это его только слегка заинтересовало. Всегда нашлась бы дюжина законных причин, почему миссис Гаррис захотела провести ночь где-то в другом месте. И она не обязана информировать администрацию отеля о своих намерениях. Единственное, что волновало Меррилла: собирается ли она заплатить за предоставленный ей номер.

Меррил попросил принести регистрационную книгу и датированный днем приезда чек. Он бегло просмотрел краткую запись в карточке, прежде чем перешел к счету.

Номер был забронирован письмом ее мужа из Нью-Йорка за десять дней. Ежедневная стоимость одноместного номера 326 составляла восемнадцать долларов. В письме был указан адрес нью-йоркской конторы, где работал муж. Все выглядело вполне солидно. Из записи портъё он узнал, что ее внешность и багаж не вызывали сомнений и что ее чек подтверждался карт-бланшем на имя миссис Герберт Гаррис. Она взяла напрокат у Ависа машину, которую ей доставили. Причин для беспокойства не оказалось. Меррилу было безразлично, провела ли она четырнадцать ночей, или ни одной в номере 326, если оплата гостиницы гарантирована. К тому же будет экономия свежего белья, если она продолжит ночевать в другом месте.

Он взглянул на чек с датой первого дня пребывания, чтобы убедиться, что ничего необычного в нем нет. Был личный звонок мужу по телефону в Нью-Йорк, как только она прибыла в отель и прописалась, счет из бара на четыре коктейля в тот же вечер и больше ничего.

Роберт Меррил пожал плечами, поставил галочку против заметки Марты и перешел к следующему пункту ежедневного рапорта, где говорилось, что гомосексуалист, занимая один из самых дорогих апартаментов, заманивал молодых мужчин в комнаты и, шантажируя их, добивался своего. Меррилу требовалось обратить на это более серьезное внимание и выработать план действий. Миссис Гаррис и ее отсутствие в первую ночь в номере 326 были забыты.

ГЛАВА 5

День только начал заниматься над Атлантическим океаном в субботнее утро, когда новехонький темно-голубой «бьюик» с нью-йоркским номером остановился перед отелем «Бич-Хэвен». Герберт Гаррис медленно вышел из машины, зевнув, открыл дверцу багажника и вытащил оттуда единственную сумку. Его светло-серый пиджак со следами пепла спереди был помят, лицо небрито, а глаза красны от бессонницы. Он не спал с предыдущего утра — торопясь, гнал автомобиль по ночному побережью. Гаррис расправил плечи, наполнил легкие прохладным воздухом Майами и, обогнув машину, целеустремленно шагнул через вертящуюся дверь вестибюля, который был бы совсем пуст, если бы не ночной портье, дремавший за стойкой.

Пожилой и лысый портье нахмурил брови, наблюдая за приближающимся мистером Гаррисом. В этот забытый богом час не было ни прилетающих самолетов, ни прибывающих поездов. И в такой гостинице, как «Бич—Хэвен», редко когда принимают на рассвете.

Гаррис поставил свою сумку на пол и потер тыльной стороной руки жесткий подбородок, чувствуя недовольство портье. Поэтому он более чем бесцеремонно сказал: «У вас остановилась миссис Гаррис. Какой номер?»

Миссис Герберт Гаррис! Это имя сразу же отозвалось в памяти портье. Имелось какое-то сообщение об этой даме. Только он не помнил, что именно. Кажется, ничего такого важного, подумал он, но сигнал тревоги зазвучал в его мозгу. «Миссис Герберт?» — переспросил он и, чтобы оградить себя от неприятностей, незаметно под стойкой нажал кнопку звонка, зажужжавшего у дежурного детектива. Он глубокомысленно произнес: «Сейчас посмотрим», — и повернулся спиной, чтобы просмотреть алфавитный список постояльцев. Медленно, с остановками, он водил пальцем по списку сверху вниз до тех пор, пока не услышал тяжелые, приближающиеся из-за угла стойки шаги. Тогда он повернулся и сказал: «Да, у нас действительно проживает миссис Герберт Гаррис». Он произнес ее имя достаточно громко и внятно, чтобы его услышал подошедший детектив.

Эд Джонсон, штатный офицер безопасности, дежуривший в эту субботу на рассвете, умудрился проспять большую часть своего дежурства, пока звонок портье не разбудил его. Он остановился рядом с Гаррисом, моргая со сна и внимательно разглядывая нью-йоркца.

Гаррис не обращал на него внимания. «Назовите номер ее комнаты», — снова нетерпеливо потребовал он.

Портье слегка пожал плечами и вопросительно взглянул на Джонсона, который сказал: «Минуточку, сэр. Не будете ли вы так любезны объяснить нам, зачем вам нужно знать номер этой дамы?»

Гаррис сердито дернул головой и, сощурив глаза, посмотрел на полицейского:

— А вы кто, черт возьми? — резко спросил он. — И не ваше это дело, зачем мне нужен номер моей жены.

— Я офицер безопасности, — спокойно произнес Джонсон. — Так вы говорите, мистер Гаррис?...

— Да, черт возьми! Я — мистер Гаррис.

— Не надо так воинственно, мистер Гаррис, — миролюбиво продолжал Джонсон. — Мои обязанности состоят в том, чтобы оберегать покой наших гостей. Миссис Гаррис ждет вас?

— Нет не ждет, — Гаррис остановился и попытался подавить раздражение в голосе. — Послушайте, я гнал машину всю ночь. Я устал и хочу спать. Мне также надо принять ванну, побриться и выпить чего-нибудь. Ну, ради бога, могу я наконец узнать номер комнаты моей жены?

Румяное лицо Джонсона оставалось спокойным. Он спросил: — У вас случайно нет с собой удостоверения личности, а?

— У меня есть все на свете удостоверения, — прорычал Гаррис. — Но почему я вам обязан их показывать?

— Если вы муж дамы, то почему не желаете показать удостоверение? Хотели бы вы, чтобы мы просто так отправляли незнакомого мужчину на рассвете наверх, в комнату вашей жены, если он этого потребует? Вы видите, мы должны быть осторожными.

— Да, я полагаю... конечно. Вполне логично, — Гаррис достал бумажник и вытащил из него карточки, которые он разложил на стойке перед детективом: «Дайнерс Клуб» и кредитные карточки, карт-бланш, Стандарт Ойл, визитная карточка с названием «Бринкерхоф и Гаррис, брокеры» и нью-йоркским адресом... — Вам достаточно этих «верительных грамот»? — он говорил решительно, но не без сарказма.

Джонсон сказал:

— Как будто в порядке. Никто не хотел вас оскорбить, мистер Гаррис, — он посмотрел на портье: — Есть ключ, Ричард?

Портье повернулся к отделениям для ключей позади стойки, пока Гаррис прятал карточки в бумажник.

— Есть запасной, мистер Джонсон. С того момента, как миссис Гаррис въехала, она не оставляла ключи здесь, — произнес портье.

Во время этого разговора его мозг лихорадочно работал, и теперь он наконец вспомнил содержание памятки о миссис Гаррис.

— Эллен никогда не оставляет ключи у портье, — голос Гарриса звучал свободно и дружелюбно. Он протянулся за ключом, который портье положил на стойку, но мясистая рука Джонсона успела перехватить его.

— Пойду-ка я с вами, мистер Гаррис. Хочу быть уверенным, что все в порядке. Это ваша сумка? — Он слегка согнулся, чтобы поднять ее и повернулся в сторону лифта, отмахиваясь от посыльного, который материализовался из темноты.

— Не надо беспокоиться, — торопился за ним Гаррис. — Я сам донесу свой чемодан.

— Это не трудно, — Джонсон вошел в лифт и нажал третью кнопку. — Мы в «Бич—Хэвен» всегда рады услужить.

Джонсон вышел из лифта первым и зашагал по коридору впереди Гарриса, остановился у номера 326 и вежливо отошел в сторону:

— Может быть, вы постучите? — Ключ он держал в руках.

Гаррис подошел к двери и легонько постучал. Не получив ответа, он постучал громче и позвал: «Эллен, это я, Герберт. Ты слышишь?»

— Почему бы вам не открыть дверь? — предложил Джонсон, — не стоит будить других людей.

В его голосе прозвучала нотка сожаления, когда он протянул ключ. Гаррис взял его с недоумением.

— Не понимаю. Она никогда крепко не спит. — Он вложил ключ в замок и повернул его.

Эд Джонсон внимательно наблюдал за выражением его лица, в то время как сам приготовился к любой неожиданности.

Гаррис, справившись с дверью, неподвижно стоял и испуганно глядел на пустые застланные кровати. Он сделал шаг вперед: «Эллен», — недоверчиво произнес он, затем повернулся к Джонсону:

— Где она? Где моя жена? — он взглянул на детектива, как-будто видел его впервые, затем развернулся и помчался к ванной, рванул дверь на себя...

Джонсон поднял его сумку и вошел в комнату, плотно закрыв за собой дверь. В этот момент он проклинал свою работу. Такой на вид симпатичный парень проделал ночью путь из Нью-Йорка, чтобы провести уик-энд с женой. Куда же это она запропастилась?

Гаррис медленно вернулся из ванной комнаты. Он выглядел так, словно его отмолотили бейсбольной битой. Глаза его лишились всякого выражения, челюсть отвисла.

— Ее нет, ее здесь нет...

Он вглядывался во все углы комнаты, словно был не в состоянии поверить в то, что женщины, которую он ищет, здесь нет. Его взгляд наконец упал на открытый чемодан, лежащий на багажной полке.

— Она упаковала чемодан, — хрипло произнес Гаррис, — как будто собиралась уезжать. Но... ведь она и недели не пробыла здесь? Где она?

Джонсон с сочувствием покачал головой.

— Сядьте, мистер Гаррис, — сказал он, — сядьте и возьмите себя в руки. Я должен вам кое-что сказать, и вам лучше выслушать меня сидя.

— С Эллиен что-то случилось! Что случилось, черт возьми? Не стойте же, расскажите мне. Я имею право все знать!

— Да, — чувствуя себя неловко, сказал Джонсон, — мне кажется, вы должны знать, мистер Гаррис. Дело в том, что... видите ли, я сам точно ничего не знаю. — Он остановился, чтобы вытереть рукавом пот со лба. — Я знаю только вот что: миссис Гаррис исчезла из отеля сразу же, как вошла в свой номер в понедельник после обеда. Она не спала ни одну ночь у себя. Этот чемодан не упакован на выезд — в таком виде она оставила его после обеда в понедельник, после того, как сменила дорожную одежду на ярко-красное платье для коктейля. Вот все, что я знаю.

Он тут же с участием бросился вперед, увидев, что лицо Герберта Гарриса стало ужасного мертвенно-серого цвета, а сам он закачался, как перед обмороком. Джонсон схватил его за руку и обнял за талию. Он подвел его к постели, успокаивающе говоря: «Полежите немножко, расслабьтесь, мистер Гаррис. Я понимаю, что вы чувствуете. Я очень хорошо понимаю, что вы испытываете, черт возьми. Я очень сожалею, что мне пришлось сообщить вам все это». Он заботливо уложил Гарриса на ближайшую кровать, подложил ему под голову подушку. Тот какое-то время лежал на постели, дрожа, сжавшись в комок и зажмурившись. Вдруг он сел, широко открыв глаза, и требовательно спросил:

— Значит, вы все время знали об этом и не сообщали мне? Не поставили меня в известность! Всю неделю в Нью-Йорке я ничего не знал. Что это за отель? Что вы все-таки пытаетесь скрыть?

— Мы ничего от вас не скрываем, мистер Гаррис. Может быть, я позову доктора?

Гаррис продолжал сидеть прямо, затем, глубоко вздохнув, протяжно простонал:

— Не надо доктора. Проклятье! Мне нужна полиция. Сделали ли вы что-нибудь, чтобы найти Эллиен? Стоите тут, как истукан. Еще детектив называется! Человека пять дней нет, а вы бездействуете!

— Послушайте, мистер Гаррис, — Джонсон пододвинул к себе стул и сел. Он пытался говорить спокойно и взвешенно, надеясь подавить в собеседнике панику. — Нет причины думать, будто с вашей женой что-то случилось. Выбросьте это из головы. Подождите.

Он вытянул вперед руку, когда Гаррис стал сердито протестовать.

— Я понимаю ваши чувства. Я хорошо понимаю ваши чувства. Но войдите в наше положение. Все, чем мы располагаем, — это то, что она не была в отеле последние пять дней и ночей. Вы сами признались, что она не ожидала приезда. Если бы вы предупредили ее, то, может быть...

— Будьте вы прокляты, — злобно заскрежетал зубами Гаррис, вскакивая с постели, гневно сжимая кулаки. — Вы покрываете ее делишки и выгораживаете свой проклятый отель. Если бы меня поставили в известность утром прошлого вторника... — С горящим взглядом он замахнулся на сидящего детектива.

Джонсон вскочил на ноги и с легкостью отвел яростный удар.

— Полегче, полегче, — пробурчал он и подтолкнул Гарриса опять к кровати, куда тот упал, плача, закрывая лицо руками, как ребенок.

Джонсон стоял у кровати, с сочувствием глядя на него сверху и сказал:

— Хорошо. Доктора вам не надо. А как насчет выпить? Вам надо расслабиться, чтобы хорошенько подумать. Я могу позвонить вниз, чтобы принесли бутылочку.

Герберт Гаррис заворочался на кровати и простонал, не отнимая крепко прижатых к глазам рук:

— Не откажусь от стаканчика, у меня там полбутылки виски в сумке.

— Я попрошу льда принести. Вам с содовой или с чем-нибудь другим?

— Нет, с водой сойдет.

Детектив подошел к телефону и передал краткий заказ. Затем снова устроился на стуле.

— Подумайте хорошенько, мистер Гаррис, — настаивал он. — Мы ничего от вас не скрываем. Нет никаких доказательств того, что с вашей женой произошло несчастье. Может быть, она друзей своих встретила в понедельник. Может, они устроили пикник или на яхте отправились в путешествие, или еще что-нибудь в этом роде. Она ведь здесь на отдыхе.

Гаррис вновь сел на край кровати, потер усталые глаза.

— Мне надо выпить. Не откроете ли мою сумку?

Джонсон тяжело поднялся, поставил сумку на вторую кровать и открыл ее. Он обнаружил, что бутылка полупуста. Направляясь в ванну, он услышал стук в дверь — это был посыльный, который принес графин со льдом. Детектив наполнил виски два стакана, положил в каждый несколько кубиков льда, добавив воды из-под крана, и почти силой вложил питье в вялую руку Гарриса.

— Выпейте, мистер Гаррис. Вы думаете над тем, что я вам сказал минуту назад?

— Я думаю об этом, — хрипло согласился Гаррис. — И все это — дерьмо. У Эллен нет здесь друзей. Если бы она случайно встретила кого-то и решила куда-нибудь отправиться, она сразу же сообщила бы мне, черт возьми, неужели вы этого не понимаете? — Он метнул взгляд на Джонсона и, наполовину опустошив свой стакан, закашлялся.

Джонсон отпил глоток и осторожно сказал:

— Имейте в виду, мистер Гаррис. Я ведь здесь на службе. Все, что я действительно знаю, я вам сказал. Миссис Гаррис никто больше не видел с вечера последнего понедельника. Может, есть что-то еще, чего я не знаю. Мой шеф, мистер Меррил, будет у себя в конторе в восемь утра. Он старший службы безопасности, и мало что из происходящего в «Бич-Хэвен» проходит мимо него. Многого он мне и не говорит. А теперь я предлагаю выпить до дна и налить еще столько же. Разденьтесь, ложитесь в постель и отдохните часик-другой. Попросите вас разбудить в семь тридцать, побрейтесь, примите душ, и тогда, может быть, вы на все посмотрите другими глазами. Может, у мистера Меррила есть еще какая-то секретная информация о миссис Гаррис, — он тяжело пожал плечами.

— И за все это время, — твердил свое Гаррис, — ничего не делалось, чтобы найти мою жену. Один только бог знает, где она, что с ней случилось. Нужно было поставить в известность полицию!

— Послушайте, мистер Гаррис, у нас на Майами-Бич есть чертовски опытный комиссар полиции. Зовут его Питер Пэйнтер. Вот с ним бы вам и поговорить, мистер Гаррис. Сначала с мистером Меррилом, а потом с комиссаром Пэйнтером. Конечно, может, мистер Меррил, как я уже сказал, уже имеет на все вопросы готовенькие ответы. Вы только пару часиков отдохните, а когда проснетесь, будет светить солнышко, и все может выглядеть совсем по-другому.

Герберт Гаррис опорожнил свой бокал и бросил его с глухим стуком на пол. Он положил локти на колени, руками подпер голову.

— Я просто потрясен, — как-будто про себя бормотал он. — Я не могу поверить в это. Только не Эллен. Будьте прокляты! — хрипло закричал он, вскинув голову вверх и глядя на Джонсона, — если бы вы ее знали, вы бы так не говорили... если бы только знали.

— Да, — сказал Джонсон, — может, и не говорил бы, мистер Гаррис.

Он подобрал с пола стакан, положил в него еще несколько кубиков льда и вылил туда остатки виски. — Выпейте-ка до дна, и дайте я вас раздену. Я все проверю с мистером Меррилом, как только он появится у себя, и, может, еще миссис Гаррис объявится здесь до того, как вы проснетесь.

ГЛАВА 6

Было раннее субботнее утро. Люси Гамильтон еще не появилась, и Шейн сам поднял трубку. Мужской голос спросил:

— Mister Шейн будет сегодня?

— До полудня, — ответил Шейн.

— Я буду немедленно, — произнес незнакомец. Герберт Гаррис вошел в приемную конторы Майкла Шейна на Флагер-стрит, побритый и одетый в чистую рубашку, серый костюм его был выглажен в отеле. Он мало спал, но выглядел сдержанным и решительным, когда предстал перед Люси Гамильтон, и требовательно спросил:

— Mister Шейн у себя?

Со своего места за низким ограждением Люси сразу определила, что этому молодому человеку есть что рассказать. Она встала со стула и приятным голосом спросила:

— Да. Как вас представить?

— Mister Гаррис. Из Нью-Йорка. У меня чрезвычайно срочное дело. Я должен немедленно переговорить с мистером Шейном.

Она отомкнула дверцу и прошла мимо него к закрытой двери, на которой было написано: «Личный кабинет». Она вошла туда, закрыла за собой дверь и через минуту появилась вновь:

— Проходите, пожалуйста, мистер Гаррис.

Шейн поднялся с вращающегося кресла у широкого, пустого стола, когда Гаррис тяжелым шагом приблизился к нему. Детектив был в рубашке с короткими рукавами, с расстегнутым воротником и ослабленным галстуком. Нагнувшись над столом, он протянул руку и сказал:

— Чем я вам могу помочь, мистер Гаррис?

— Найдите мою жену, — небрежно пожав руку Шейна своей вялой рукой, Гаррис опустился в кресло и, неотрывно глядя на рыжеволосого, голодно и почти высокомерно произнес: — Мне сказали, что вы один из самых лучших специалистов своего дела во всей стране.

Шейн почувствовал, что его посетитель, вероятно, не оправился еще после нервного шока.

— Очень приятно слышать о себе такое. А что же ваша жена?

— Она исчезла. Растаяла в воздухе. Пять дней назад. Но никто и пальцем не пошевелил. И теперь никто ничего не делает. Как будто это обычное дело, что женщины исчезают бесследно в Майами.

— Кто это «они», мистер Гаррис?

— Кто-то по имени Меррил в отеле «Бич-Хэвен». И этот тьюфак, старший полицейский, Пэйнтер, кажется, его фамилия. Им нет никакого дела.

Шейн сказал:

— Начните все сначала о жене. Она живет в гостинице «Бич-Хэвен»?

— Она прибыла и зарегистрировалась там в прошлый понедельник после обеда. Примерно в семнадцать она позвонила мне в Нью-Йорк и сказала, что перелет был приятным и все хорошо. Это последнее сообщение от нее. По словам служащего отеля, она взяла напрокат машину, которую ей доставили, и, переодевшись с дороги, выехала на прогулку. У них в счете отмечено, что она заказала четыре коктейля в баре около семи часов. Вот все. С тех пор ее никто не видел. Ее постель не тронута... чемодан даже не распакован. Они знали об этом с утра вторника, когда горничная вошла, чтобы убрать номер, и доложила об этом, но они абсолютно ничего не сделали: не сообщили мне, что моя жена исчезла, не поставили в известность полицию. Они не подняли свои толстые зады, чтобы что-то предпринять, а похабно рассуждали, черт их побери, что Эллиен наверняка закрутила с каким-то мужчиной, и они отправились порезвиться в город. — Он стучал кулаками по столу, лицо его было перекошено от гнева.

— А вы не принимаете это объяснение? — ровным голосом спросил Шейн.

— Нет, ни в коем случае. А если и вы так думаете, то я поищу кого-нибудь другого.

— Я еще ничего не думаю, мистер Гаррис, — голос Шейна стал резким, — конечно, я не знаю вашу жену.

— Вот-вот. И те не знают ее. Они просто-напросто принимают ее за потаскушку, которая, едва добравшись до Майами, сразу же стала искать приключений. Так им проще думать. Других вариантов они не искали.

— Я знаю Боба Меррилла из «Бич-Хэвен», — возразил Шейн. — Он очень добросовестный и компетентный человек.

— Уверен, что для своей службы он вполне компетентен, — усмехнулся Гаррис. — Офицер безопасности. Он защищает только интересы гостиницы. Он признался мне, что, как только он выяснил в прошлый вторник, что гостиничный счет моей жены подкреплён кредитной карточкой карт-бланш, и оплата, таким образом, гарантирована, он уже не стал более утруждать себя. Его уже не заботило, что могло случиться с одним из постояльцев.

— Неужели, — глубокомысленно сказал Шейн. — Так уж и не заботило. Давайте-ка разберемся. У отеля возникнет масса проблем, администрацию могут привлечь к ответственности за клевету, если она в таком деликатном деле поступит опрометчиво. Гость отеля имеет право на частную жизнь, и какова же будет репутация отеля, если тот возьмет за правило сообщать мужьям и женам всякий раз, как только кто-то из них будет отсутствовать ночью в номере?

— Вы такой же, как и все, — огорченно произнес Гаррис и выпрямился.

Шейн резко сказал:

— Сядьте и прекратите вести себя как подросток, если вы хотите, чтобы я вам помог найти жену. Я только объясню вам, что Боб Меррил действовал правильно, ничего не сообщив ни вам, ни полиции. А теперь, будьте уверены — Меррил делает все, что в его силах, чтобы найти миссис Гаррис. И хоть я лично не испытываю теплых чувств к старшему полицейскому побережья Пэйнтеру, он хороший полицейский, и в его распоряжении такие огромные возможности, которых я не имею. Уверен, что и он делает все, что возможно.

— Да, безусловно, — горько сказал Гаррис, с неохотой опускаясь в кресло, — он уже начал рисовать картинку, усадив какого-то авантюриста в ее машину, взятую напрокат. Боже мой! За эти пять дней в каком только месте Соединенных Штатов Америки может очутиться машина! — Он сжал зубы и сложил руки. — Что меня особенно пугает — так это несносное поведение мистера Пэйнтера, который фамильярно похлопывает меня по плечу...

Тут он попытался скопировать Пэйнтера:

— «Да бросьте вы беспокоиться, мистер Гаррис. Вот увидите, она скоро сама появится перед ваши очи». Вот как они думают об Эллен, Шейн. И вот почему они не шевелятся, чтобы что-нибудь предпринять.

— А вы думаете иначе? — в голосе Шейна прозвучал сарказм — лицо гостя стало мертвенно-бледным от гнева.

— Да, черт побери! Я уверен в Эллен. Мы уже год женаты. Она любит меня. Она не хотела ехать сюда. Мне пришлось ее уговаривать, даже настаивать... Господи, помоги мне! У меня возникла идиотская идея о том, что, дескать, было бы неплохо хоть раз в году расстаться на недельку, чтобы проверить свои чувства. Не потому, что наш союз не был полным и счастливым, а, главным образом, чтобы укрепить его. За год нашего брака она ни разу не взглянула на другого мужчину, а я — на другую женщину. Я знаю, что нынче не модно хранить супружескую верность, но нас с Эллен это не касается.

Он резко остановился и, наклонившись вперед, дрожащим голосом искренне спросил:

— Вы когда-нибудь любили, Шейн? Женщину, в которой бы вы были уверены больше чем в самом себе?

Шейн отвел потемневшие глаза от Гарриса и сказал:

— Да, со мной это было один раз в жизни.

— Значит вы понимаете, о чем я говорю. Вы поможете мне?

Шейн твердо произнес:

— Я сделаю все, что смогу. Есть у вас фотография вашей жены?

— Только любительский снимок, — он достал из бумажника маленькую карточку необыкновенно красивой женщины и протянул ее детективу, — со мной оказались две фотографии Эллен. Они разные, обе сделаны два месяца назад. Пэйнтер взял вторую... хотя он мало проявил интереса к моему предложению напечатать снимок в газете. Он продолжал фальшиво уверять меня, что раз дело получило огласку, мне не о чем больше беспокоиться.

— А вы не боитесь огласки? — Шейн с явным удовольствием изучал фотокарточку.

— Мистер Шейн, — голос Гарриса зазвучал низко и напряженно, — я хочу найти мою жену. Ничто другое в мире меня сейчас не волнует. Конечно же, я не возражаю против огласки, если она поможет. Я не боюсь правды. Неужели вы не понимаете? Я доверяю Эллен. Я чувствую, что с ней произошло что-то ужасное. Я... я даже боюсь подумать, что.

— Хорошо, — живо сказал Шейн. Мы увеличим фотографию и постараемся сделать хороший снимок. Я прослежу, чтобы его сегодня же поместили на первой странице вечерних «Ньюс». А теперь мне понадобится дополнительная информация о вас и вашей жене. Я приглашу секретаршу, — он нажал на кнопку в столе, откинулся на спинку стула, зажег сигарету. — Не хотите ли чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо, не хочу. Я уже выпил в гостинице две рюмки.

Вошла Люси Гамильтон с блокнотом.

— Итак, — сказал Шейн, — ваше полное имя и нью-йоркский адрес?

— Герберт Гаррис, — он дал свой адрес на Ист-Сайд в Нью-Йорке и вытащил визитную карточку из бумажника. — Это адрес моей конторы.

Шейн взглянул мельком на карточку и передал ее Люси.

— Вы имеете долю в этой посреднической фирме?

— Это относительно небольшая фирма с довольно средними доходами. Мы работаем в основном с иногородними клиентами, которые обращаются к нам раз в год.

Шейн продолжал:

— Держите ли вы дома прислугу?

— Да. Она приходит два раза в неделю. Ее зовут Роза. Фамилии ее я не знаю, но она убирает также в других квартирах нашего дома. С тех пор как уехала моя жена, она не приходила. Они вдвоем хорошо убрали квартиру в последнее воскресенье, и Эллен договорилась, что Роза придет в следующую субботу, — он остановился и, нахмурившись, спросил: — Это так важно?

— Я еще не знаю, что является важным, а что нет. Девичья фамилия вашей жены?

— Эллен Терри. Она была манекенщицей и пользовалась большим успехом, когда я встретил ее год назад.

— В каком агенстве она работала?

— В одном из крупных... в Рокфеллер-центре, — Гаррис нахмурился, вспоминая, — «Нобл и Эллиот». Но, когда мы поженились, она бросила работу.

— Это было год назад? Опишите ее.

— Ей тридцать один год. Довольно высокая, стройная. Она блондинка, умеет держаться. Каждое ее движение — олицетворение грации. Она... очень заметная женщина. Когда она входит, на нее сразу же обращают внимание.

Шейн кивал, глядя на летающий по блокноту карандаш Люси. Он откинулся назад, потрогал мочку левого уха и сказал:

— Отлично. А теперь назовите имена и адреса ее ближайших друзей, мужчин и женщин, если можете.

Гаррис резко взглянул на него:

— Послушайте, Шейн, я же вам говорил, что у нее нет друзей-мужчин. И, во всяком случае, мне не понятно, какое отношение имеют ее нью-йоркские друзья к тому, что здесь произошло.

Шейн сказал решительно:

— Если я приду в вашу брокерскую контору, ничего не смысля в биржевых акциях, и стану давать вам советы, как следует вести дела, я думаю, вам это не понравится. Я должен делать свою работу так, как считаю нужным. Итак, мисс Гамильтон будет записывать близких друзей вашей жены. Начнем с тех, с кем она дружила, будучи манекенщицей.

Гаррис сказал:

— Теперь я, если не возражаете, чего-нибудь выпил бы. Шейн кивнул, отодвинул кресло назад, чтобы подняться.

Гаррис повернулся к Люси и начал медленно диктовать ей имена, в основном женские, перечислил несколько женатых пар, их адреса.

В другом конце комнаты Шейн достал бутылку коньяка из второго выдвигающегося ящика картотеки, вложил один в другой два бумажных стаканчика, наполнил их до краев, поставил на стол. Затем достал чашки с ледяной водой из холодильника и поставил их рядом со стаканчиками.

— Вот, пожалуй, все, кого я сейчас помню, — он поглядел на Шейна и объяснил: — Я уже сказал вашей секретарше, мы не вели светской жизни. Действительно, мы были очень поглощены друг другом, и нам не требовались посторонние.

Он поднял коньяк и отпил. Шейн сердечно произнес:

— Я очень хорошо понимаю это... первый год вашего брака. Давайте теперь посмотрим, Люси, записали ли вы имя ее дамского мастера?

Она покачала головой, когда Гаррис с горячностью вмешался:

— Ради всего святого, объясните мне, какое отношение имеет нью-йоркская парикмахерша к исчезновению Эллен в Майами? Может, вы и хорошо знаете свое дело, мистер Шейн, но я действительно затрудняюсь понять...

— Хорошо, Люси, — Шейн помрачнел, — отметьте, что мистер Гаррис отказывается дать имя дамского мастера своей жены.

— Минутку, я не отказываюсь. Черт, я просто не знаю ее имени. Парикмахерская находится как раз за углом. Бланш, мне кажется, что-то в этом роде.

Шейн уклончиво кивнул:

— Теперь пусть мисс Гамильтон запишет все, что относится к приезду вашей жены сюда, — он вновь уселся в кресло, сделал большой глоток коньяка и сощурил глаза: — Вы посадили ее в самолет в понедельник. Она позвонила вам из отеля после прибытия, и затем вы больше ничего от нее не слышали. Вас это не беспокоило, Гаррис?

— Нет. Почему я должен был беспокоиться?

— И вы не удосужились ей позвонить?

— Нет, — оборонялся Гаррис, — мы взрослые люди. Я хотел, чтобы она провела две недели так, как ей нравится, встретила новых людей, повеселилась, не чувствуя, что я ее проверяю.

Шейн безучастно кивнул:

— Ну, а это путешествие, этот ваш сюрприз. Если я правильно вас понял, ваша жена не имела ни малейшего понятия о том, что вы объявитесь сегодня в Майами?

— Совершенно верно, — голос Гарриса сделался агрессивным. — Я и сам узнал об этом в четверг вечером. В конторе сложилась такая ситуация, что потребовалось мое присутствие в Чарльстоне, Южная Каролина, в пятницу. Один из наших пожилых клиентов внезапно пожелал обсудить портфель ценных бумаг. Я выехал в ту же ночь и прибыл в Чарльстон в пятницу утром. В мотеле я поспал несколько часов, послеобеденное время провел с клиентом и внезапно, импульсивно решил поехать сюда и провести с женой субботу и воскресное утро. Я рассчитывал вернуться в Нью-Йорк в понедельник утром.

— Это ведь такой длинный путь, почти через всю страну, — сказал Шейн, — многие бизнесмены предпочитают добираться самолетом.

— А я очень люблю вести машину, — холодно проинформировал Гаррис, — особенно ночью. В этом что-то есть: ты легко мчишься, рассекая тьму, останавливаешься по пути в маленьких, открытых всю ночь закуточных, где собираются водители грузовиков... — он замолчал, встряхнул головой, словно стыдясь того энтузиазма, с каким говорил. — Мне это нравится, — повторил он, — и, когда я покидал Нью-Йорк, я действительно не предполагал, что попаду сюда. Но в Чарльстоне в пятницу вечером я сообразил, что до понедельника мне нечего делать в Нью-Йорке... Я внезапно подумал о том, какой это будет сюрприз для Эллен... и вот я здесь.

Шейн задумчиво слушал Гарриса. «Ты, должно быть, очень молод, — подумал он, — и очень любишь свою жену, если решил, что свалиться ей на голову в Майами на заре — в то время, как она имела все основания считать, что ты находишься в Нью-Йорке, — прекрасная мысль. И как бы тебе, Герберт Гаррис, понравилось, продолжал думать он, — если бы Эллен неожиданно появилась дома, в Нью-Йорке, на неделю раньше?» А вслух произнес:

— Думаю, что это все, мистер Гаррис. Я приступаю к работе. Вас можно будет найти в отеле «Бич-Хэвен»?

— Да, полагаю, что смогу там остановиться. Послушайте, все-таки объясните вы мне, на кой черт вам потребовался список нью-йоркских друзей Эллен, включая ее парикмахершу? Каким образом эти люди могут быть связаны с тем, что произошло здесь?

Шейн сказал:

— В самом начале, Гаррис, вы пожаловались на то, что никто в Майами не смог сделать правильных выводов по поводу исчезновения вашей жены и поэтому не был в состоянии проводить умное расследование. По этой причине мне следует знать все, что можно, о вашей жене. Я ответил на ваш вопрос?

— Частично, — теперь он вел себя более сдержанно. — Собираетесь ли вы связаться с теми, чьи имена я вам назвал?

— Имеются какие-либо возражения? — строго спросил Шейн.

— Нет... но. Я только поинтересовался.

— Я постараюсь действовать осторожно, — уверил его Шейн, — но я не смогу распутать дело, если буду связан по рукам и ногам. Не стану произносить пустые слова утешения. Однако предлагаю вам вернуться в отель с сознанием того, что все делается именно так, как положено. Я свяжусь с вами.

Гаррис пожал ему руку с большим энтузиазмом, чем в первый раз:

— Я уже лучше себя чувствую. Да, как насчет гонорара, мистер Шейн?

— Оставьте моей секретарше чек на тысячу долларов в качестве предварительного гонорара. Если удача будет сопутствовать, то покроет все расходы. Если же увижу, что потребуется больше, я вас извещу.

Гаррис неловко произнес:

— Хорошо, спасибо, — и последовал за Люси в приемную.

Шейн сел, в задумчивости потер подбородок. Люси прервала его размышления, войдя в комнату несколько минут спустя:

— Майкл, ты хочешь, чтобы я расшифровала записи прямо сейчас?

— Нет необходимости торопиться, ангел. Попробуй связаться с Джимом Клиффордом из Нью-Йорка. Если сможешь, слушай нас по отводной трубке и зачитай свои записи, когда я тебя попрошу.

Допив коньяк, он смял бумажные стаканчики и выбросил их в корзину для бумаг. Раздался звонок. Шейн поднял трубку, Люси сказала: «Мистер Клиффорд у телефона».

— Джим? — спросил он, и добродушный голос ответил:

— Это ты, Майкл? Как дела на солнечной земле греха и секса?

Шейн ответил:

— Греховны и сексуальны. Ты можешь быстро проверить одно дело для меня?

Клиффорд рассмеялся и сказал:

— Для тебя... и за хорошую цену... могу сделать все.

— Вот какое дело, Джим. Некая миссис Эллен Гаррис из Нью-Йорка в прошлый понедельник исчезла из отеля «Бич-Хэвен» на Майами-Бич. Муж, Герберт Гаррис, биржевой маклер. Люси через минуту даст тебе все адреса, ею записанные. Выглядит так, Джим, на трезвую голову, что леди оставила свое дельце еще до вылета из Нью-Йорка. Она бывшая манекенщица. Я хочу, чтобы ты покопался в ее прошлом... до и после ее замужества. Выясни все, что сможешь, особенно о ее бывших и теперешних кавалерах. Она настоящая красавица и наверняка имела множество поклонников. Выбери нескольких, Джим, и выясни о них все, что сможешь до вечера. Позвони мне или Люси домой, если нас не будет здесь. А теперь она подключится и выдаст тебе все, что мы получили. Начинай, ангел.

Шейн подержал трубку у уха до тех пор, пока не услышал, как Люси начала зачитывать наиболее важные пункты из ее стенографических записей Джиму Клиффорду из Нью-Йорка. Затем он повесил трубку.

Он стоял перед одним из широких окон, выходящих на Флагер-стрит, когда Люси Гамильтон вошла в комнату спустя пять минут:

— Майкл Шейн! Что может отыскать в Нью-Йорке Джим Клиффорд? Что касается меня, то никогда не видела прежде человека, который бы любил и страдал так, как Герберт Гаррис.

Он медленно повернулся к ней, покачивая головой:

— То, насколько он ее любит, в действительности не имеет никакого значения. Ведь это она разыграла сцену исчезновения. Достань мне Тима Рурка, а?

Люси показала ему язык и повернулась к своему столу. Шейн отошел от окна, потирая мочку уха, он старался не думать о своей умершей жене Филнис. Одним своим вопросом Гаррис неосознанно нанес ему сильнейший удар. А если бы исчезла не Эллиен, а Филнис?...

Зазвонил телефон, он поднял трубку и сказал:

— Привет, Тим! Занят? У меня есть сногшибательная история. Побудь минут пятнадцать у себя. Мы быстренько позавтракаем. Освободись ото всех дел по меньшей мере на пару часов.

Шейн повесил трубку, вышел, чтобы взять шляпу и отпустить Люси. Но он попросил ее не покидать свою квартиру после обеда, так как туда должен позвонить Клиффорд. Сам Шейн тоже будет время от времени поддерживать с ней связь.

ГЛАВА 7

В прокуренной и шумной комнате отдела городских новостей «Ньюс» Шейн направился прямо к столу Тимоти Рурка, который меланхолично глядел на чистый лист бумаги, вставленный в пишущую машинку.

Рурк напоминал гончую. Его худое лицо выглядело бы совершенно изможденным, если бы не яркие, цепкие, подвижные, как у зверька, глаза. Циничный блеск появился в них, когда Шейн положил на стол снимок Эллен Гаррис.

— Этот снимок, — сказал детектив, — нужно увеличить и поместить на всю первую полосу. Ты найдешь такую возможность, Тим?

— Сегодня у нас практически ничего нет на первую полосу. А что она натворила? Разрезала на кусочки своего папочку и сделала из него жаркое?

Рурк жадно изучал фотографию. Шейн сказал:

— На сегодняшней день она считается пропавшей. Отдай снимок в фотоотдел и скажи им, пусть отпечатают несколько копий. Мне нужно полдюжины... размером шесть на девять дюймов или что-то около. Пусть отретушируют и подготовят все, чтобы можно было сразу ставить в номер. Мы быстро позавтракаем и вернемся.

Рурк знал Майкла Шейна слишком хорошо, чтобы задавать ему лишние вопросы. Через несколько минут, вернувшись из фотолаборатории, он подтвердил:

— Снимки будут готовы, как только мы покончим с едой.

Они отправились в ресторанчик за полквартила от редакции, где подавали бифштекс, и, получив напитки, стали ждать заказанный завтрак. Рурк, подперев руками острый подбородок, лукаво поглядывал на своего старого друга:

— Что же это за история?

Шейн сказал ему:

— Возможно, нам и не придется публиковать портрет. Пока что требуется собрать кое-какие сведения... Все должно быть строго конфиденциально, пока я не дам тебе добро, Тим.

— Итак? — Рурк тянул бурбон с водой и ждал.

Шейн кратко рассказал историю, которую поведал ему Герберт Гаррис.

— Выглядит очень славным парнем. Мир перед ним рассыплется на мелкие кусочки, если действительно окажется, что его жена подцепила молодца, и они вдвоем скоро объявятся.

— Как он предпочитает, — проворчал Рурк с кислой усмешкой, — увидеть ее саму, вдребезги разбитую на мелкие кусочки, или расколотый мир своих грез?

— Не знаю, — признался сердито Шейн. — Он так уверен в ней, Тим. Мне думается, что для него легче увидеть ее мертвой, чем узнать что она не была ему верна.

— Питу Пэйнтеру и отелю «Бич-Хэвен» не понравится, если мы пропечатаем эту историю на первой полосе газеты, — радостно предупредил его Рурк. — Выпуская кота из мешка, мы создадим отелю отвратительную рекламу.

— А я не собираюсь спрашивать, понравится им это или нет. Предлагаю тебе пойти со мной в «Бич-Хэвен», чтобы заполучить второй снимок и что-нибудь выяснить. Меррил позволит тебе участвовать в деле, если я пообещаю ему, что ты напечатаешь только то, что я считаю нужным.

— Кто это Меррил?

— Шеф безопасности, домашний сыщик. — Шейн, ухмыляясь, опрокинул стаканчик, взял нож и вилку. — Он действительно находится в очень затруднительном положении. Его будут ругать и за то, что он что-то сделает, и за то, что не сделает ничего, — он вздохнул и с жадностью набросился на бифштекс.

Проявленные снимки еще не высохли, когда они вернулись в редакцию. Увеличенный портрет получился даже лучше, чем Шейн предполагал. Он взял с собой два мокрых снимка и попросил доставить ему еще два после того, как они высохнут. Затем он и Рурк отправились в «Бич-Хэвен» — каждый на своей машине, чтобы в случае надобности разъехаться порознь.

Когда Шейн вошел в вестибюль, Рурк уже стоял у стойки и разговаривал с портье.

Лоуфорд выглядел обеспокоенным и раздраженным. Увидев Шейна, Рурк повернулся к нему и, подмигнув, сказал:

— Этот парень заявляет, что миссис Гаррис нет, но позвонить ей в номер и проверить отказывается.

Шейн заметил:

— Я буду сам задавать вопросы, Тим — и спросил порттье:

— Мистер Меррил у себя?

— Да, сэр. Тут за углом...

— Я знаю, где он находится, — Шейн твердо взял Рурка под руку и повел его от стойки.

Они повернули за угол коридора, туда где расположились административные помещения. Шейн остановился у закрытой деревянной двери с табличкой «Личный кабинет».

Постучав, он повернул ручку двери и, не ожидая приглашения, вошел в маленькое, аккуратное помещение. У задней стенки стоял шкаф с выдвигаемыми ящиками для картотеки, в центре — стол, на котором были только телефон и диктофон. Роберт Меррил диктовал, удобно расположившись за столом, заглядывая в раскрытую картонную папку, лежащую на коленях. Увидев Шейна, он выключил диктофон, закрыл папку и положил ее на стол.

С непритворной сердечностью он сказал:

— Майкл Шейн, собственной персоной. Не часто вы нас балуете своим присутствием.

Это был высокий средних лет мужчина, с серо-стальными волосами и холодным, настороженным взглядом. Работа Меррила — обеспечение безопасности в «Бич-Хэвен» требовала много ума и такта, способности безошибочно определить мошенника в тот самый момент, когда он только появляется в отеле. За годы работы у него появилось шестое чувство, которое заранее подсказывало ему, в какой из тысячи комнат назревает неприятность.

Шейн открыл дверь, впуская своего друга:

— Ты знаешь Тима Рурка? Роберт Меррил, Тим. Меррил бесстрастно оглядел сутулую фигуру репортера в мешковатом костюме и сказал:

— Знакомое имя. Несколько строк в «Ньюс», не так ли? — И сразу же переключил внимание на Шейна: — Чем могу быть полезен?

Детектив сел в кресло у стола, а Рурк бочком, стараясь быть незаметным, устроился у стены. Шейн вытащил из кармана портрет Эллен Гаррис и положил перед Меррилом:

— Узнаешь ее?

— Это увеличенная фотография со снимка, который я видел утром?

— Совершенно точно, — ответил ему Шейн ровным голосом. — Это та самая леди, которую вы, кажется, потеряли в прошлый понедельник.

Меррил устало улыбнулся:

— Мне бы хотелось иметь снимок, Майкл. Гаррис отказался оставить мне его, чтобы я мог показать тем служащим отеля, которые видели миссис Гаррис, когда она регистрировалась. Он взвился на дыбы, как конь, и вылетел отсюда, угрожая подать на отель в суд на преступную небрежность и так далее. И я понял, что он отправился прямо в полицию.

Шейн подтвердил:

— Да, верно, — он усмехнулся довольный. — Питеру Пэйнтеру, так же, как и тебе, успешно удалось погладить Гарриса против шерсти, потому он и очутился у меня в конторе. Мой клиент, — сказал он строго, — чувствует, что вы оба с Пэйнтером больше озабочены тем, чтобы скрыть исчезновение его жены, чем заняться ее розыском.

— Ты же знаешь, что это не так, Майкл. Он ее муж, черт возьми! И я вам скажу, он сходит по ней с ума. Но имеются кое-какие факты, которые я не хотел бы разглашать... — Он прервал себя, печально улыбнувшись Шейну и стал вдруг сразу человечным и живым. — Этого парня ждет сильное разочарование. У меня сейчас намного больше информации, чем я имел, когда разговаривал с ним утром. — Он опустил глаза на фотографию и мягко произнес: — Они слишком необыкновенна, да? Если бы я был на ней женат, черт возьми... — Он остановился, облизнул губы, — зачем ты притащил репортера, Майкл? Я буду рад просмотреть имеющиеся улики с тобой наедине, но...

Шейн веско сказал:

— Я пообещал Гаррису поместить в газете портрет его жены и сообщение о ее исчезновении сегодня вечером, если полностью буду убежден в том, что больше ничем помочь нельзя. И мне абсолютно все равно, какие чувства при этом испытываешь ты или Питер Пэйнтер, или торговая палата Майами-Бич. Меня нанял Гаррис, чтобы найти свою жену. Поэтому я привел сюда Тима Рурка. Я единственный, кто решает, делать эту публикацию или нет. Рурк будет ждать моего решения. Тебе просто повезло, что дело оборачивается таким образом. Если другая газета пронюхает что-нибудь...

Роберт Меррил безрадостно улыбнулся:

— Эта история взрывоопасна, Майкл. — Он поколебался, склонившись над фотографией Эллен Гаррис. — Думаю, что вам лучше узнать, что мы имеем, кроме этой фотографии. Мы не располагаем никакими другими данными для опознания.

Он склонился над встроенным в крышку стола микрофоном:

— Заходи Лоуфорда у стойки и зайди ко мне. Я хочу поговорить также с этим посыльным, Биллом Томсоном. — Он вновь опустился в кресло и глубоко вздохнул. — В такие моменты я бываю чертовски рад, что на всю жизнь остался холостяком.

Майкл Шейн ничего не ответил. Он знал, что Тимоти Рурк наблюдал за ним, и спрашивал себя, думал ли Тим о Филнис. Меррил, конечно, ничего не знал о Филнис. Раздался стук в дверь, и Шейн был рад прервать свои печальные мысли.

Меррил рывкнул:

— Войдите, — дверь открылась и вошел Джустас Лоуфорд. Его взгляд скользнул с Рурка на Шейна, затем на Меррила. Если он и узнал Рурка и Шейна, — а ведь они только что разговаривали с ним у стойки — то он и вида не подал, что знает их.

— Что случилось, мистер Меррил?

Меррил повернул к нему фотографию.

— Ты узнаешь ее?

Лоуфорд ответил:

— Это та женщина, о которой вы спрашивали меня сегодня утром, да? Миссис Гаррис, которая зарегистрировалась в прошлый понедельник?

— Ты можешь точно сказать, что это она? — потребовал Меррил.

Лоуфорд поколебался, глубоко вздохнул.

— Мне бы не хотелось это клятвенно заверять. Но... да, мистер Меррил, я очень хорошо ее помню. Насколько я могу судить, это миссис Гаррис.

— Хорошо, — проворчал Меррил. — Повтори теперь мистеру Шейну то, что ты рассказал мне утром. Почему она тебе особенно запомнилась?

— Очень трудно точно сказать, почему, — начал Лоуфорд, уставившись в стенку над головой Меррила, — я работал во многих отелях..., регистрировал сотни тысяч гостей. Мне кажется, в большинстве случаев это механический процесс. Но миссис Гаррис! — Он медленно потряс головой. — Вы тотчас же замечаете ее и запоминаете надолго. Мне помнится, я удивился, что она прибыла одна... на две недели. А когда я ее спросил об этом..., чтобы быть уверенным, то она соизволила дать объяснение: у ее мужа имелась современная идея о том, что женатые пары должны проводить отпуск врозь. И она спросила меня, одобряю ли я эту идею.

Он остановился, нервно проглотил слюну и сказал Майку:

— Я сразу же переменяю тему разговора, сэр. Но она тут же пожаловалась, что боится скуки и одиночества. Я заверил ее, что у нас есть хозяйка, которая занимается развлечением гостей, но миссис Гаррис, я помню, не заинтересовалась этим предложением. Вот и все... я думаю.

— Ты видел, как она выходила из гостиницы? — подсказал Меррил.

— Да. Она пожелала взять напрокат машину. Я посоветовал швейцару позвонить ей в номер, когда машину доставят. Примерно через полчаса я видел, как миссис Гаррис вышла из лифта и направилась к двери. Я решил, что она шла к машине. Леди переделалась в ярко-красное платье..., с низким вырезом спереди.

— Она не оставила ключи внизу, когда уходила? — вновь подсказал Меррил.

— Нет, сэр. Насколько я помню, я больше ее не видел. — Он перевел взгляд со стенки на фотографию миссис Гаррис и медленно покачал головой из стороны в сторону.

— Хорошо, Лоуфорд, — отрывисто произнес Меррил. — Если мальчик ждет за дверями, пригласи его сюда.

Когда портье повернулся и пошел к выходу, Меррил сказал Шейну:

— Билл Томсон — парень, который отнес ее вещи в номер. Пусть он сам все расскажет, — предложил он. — Тебе нечего волноваться, Томсон, — сказал Меррил вошедшему. — Подойди сюда и посмотри на эту фотографию.

Билл Томсон бросил быстрый, испуганный взгляд на Рурка и Шейна и на негнущихся ногах подошел к столу.

— Видел когда-нибудь эту женщину? — Меррил показал ему фотографию.

Билл Томсон неотрывно смотрел на нее, по меньшей мере, секунд тридцать. Его лицо начало дергаться. В глазах появились слезы:

— Как перед богом, мистер Меррил. Я ничего... не делал. После первого раза в полночь... Клянусь, что больше к ней не поднимался и никогда больше не видел ее после первого раза.

— Держись сынок. Сначала скажи мне, кто она.

— Это миссис Гаррис. Из номера 326. Вы спросили меня о том, как она прибыла в то утро, сэр, я рассказал вам, как она была смешна в своей доброте... давая мне пять долларов на чай просто ни за что, и как она возмутилась, увидев в своем номере две кровати вместо двуспальной...

Он остановился, в смущении сглотнул слюну. Меррил мягко сказал:

— Да, ты рассказал мне об этом, Билл. Но ты мне о полночи ничего не говорил. Что произошло?

— Ну, я не думал, что это так важно, и я не хотел... Но, может, это теперь важно, когда она исчезла, и вообще, — спотыкался он, — я хотел уходить уже, когда она близко подошла ко мне и спросила, во сколько я освобождаюсь после дежурства. Я сказал, что в полночь. И затем она что-то зашептала мне, вроде того, что ей будет одиноко одной, и чтобы я поднялся к ней выпить чего-нибудь перед сном, в полночь.

— Хорошо, Билл, — голос стал резким, — ...что же произошло в полночь?

— Ничего. Я действительно поднялся и постучался в ее дверь. Я знаю, что это не положено и меня уволят за это, но я ничего не мог с собой поделать. Я наверняка сделаю то же самое, если попадется кто-то, похожий на миссис Гаррис. Но в ее комнате было темно, и она не ответила и... вот и все.

— Ты не видел ее больше?

— Клянусь, после этого я ее не видел. И ничего о ней не слышал, пока сегодня утром вы не спросили меня о ней. Позже я слышал разговоры в отеле, что она не появлялась в своем номере с вечера понедельника.

Меррил сказал:

— Хорошо, Томсон, возвращайся на свое место. Когда парень вышел, он поглядел на Шейна.

— Картина начинает вырисовываться?

— Слишком хорошо, — прогремел Шейн. — Гаррис сказал мне, что был еще момент: ею подписан счет в баре в семь часов.

— Вот последнее, что мы имеем о ней, Майкл, это счет за два дайкири и два бурбона со льдом. — Он посмотрел на свои часы, поднялся на ноги, подобрал карточку. — Бармен, который дежурил в понедельник вечером, только что объявился в баре. Я еще с ним не разговаривал о ней. Бери своего друга и пошли туда, отель «Бич-Хэвен» угощает вас, а это лишний раз доказывает, что мы ничего от вас не скрываем. — Он обогнул свой стол и пошел впереди всех.

ГЛАВА 8

Коктейль-бар был слабо освещен и почти пуст. Тайни протирал стаканы, повернувшись спиной к стойке. Он обернулся, когда трое мужчин взобрались на стулья, бросил взгляд на Меррилла и коротко ему кивнул. Затем его большое лицо расплылось в улыбке, когда он узнал рыжеволосого:

— Майкл Шейн, все святые в свидетели! Как поживаешь, старина? — Он выбросил вперед огромную, как окорок, лапу и обменялся с Шейном теплым рукопожатием. Затем повернулся к полкам в поисках приличествующей такому случаю бутылки «Кордон-Блю», открыл ее и, расцветая в улыбке, поставил перед Шейном. Когда же рядом возник стодвадцатипятиграммовый бокал, Меррил сухо сказал:

— Полегче, Тайни. Я пообещал Шейну выпивку за счет отеля.

— Если не за счет отеля, так за мой счет, — заверил его Тайни, наполняя бокал до краев. Он обратился к Рурку: — А что вы будете пить? — Затем помолчал и спросил: — вы случайно не Тим Рурк? Тогда вам бурбон с водой... Ты видишь, я читаю все книги о тебе, Майкл. А что это за похабное было телешоу по Эн-Би-Си в пятницу вечером? — он нахмурился, отмеряя виски для Рурка. — Где это они выкопали того птенчика, который играет тебя, Майкл? Какого черта ты не выйдешь и не сыграешь сам? Выпьете что-нибудь, мистер Меррил? — спросил он, повернув голову в сторону Меррилла.

— Маленькую пива, Тайни, — Меррил держал фотографию Эллен в руках и постукивал ею по стойке бара, но Тайни полностью переключил свое внимание на Шейна.

— А теперь возьмем последнее шоу в прошлую ночь. Я включаю телевизор каждую пятницу, чтобы посмеяться. Боже мой, Майкл! Как ты можешь смотреть такое?

Шейн сказал:

— Я не смотрю, — он с удовольствием сделал глоток прекрасного коньяка. — Я не включаю телевизор после первых двух представлений. Но Ричард Денинг считается прекрасным актером.

— Это тот, кто играет тебя? — Тайни фыркнул с отвращением. — Может, он хороший актер, но то, что они заставляют его делать... — он печально покачал головой. — А как вам нравится тот остряк, который играет вас, мистер Рурк?

Рурк сказал:

— Я, как Майкл, просто не смотрю телек.

— Что это вообще происходит с вашим другом, который пишет сценарии представлений? — требовательно произнес Тайни. — Этот Бретт Холлидей, он что — дурачок, что ли? У него потрясающие книги, но боже сохрани меня от этих телепостановок по пятницам.

— Он их не пишет, — криво усмехнулся Шейн, — умненькие мальчики из Голливуда не разрешают ему. Они полагают, у них там есть свои писаки, которые лучше знают, как это делается.

— Я тебе скажу честно, Майкл. Это — вонючка, и она долго не продержится в эфире. Как я сказал, я включаю программу, так как она о тебе, Майкл, и в Майами и вообще, я слышу, что говорят о ней люди. Мы гордимся тобой здесь в Майами, черт возьми, и нам больно смотреть эту чепуху.

— Ах, Тайни, — сдержанно сказал Меррил. — Оставь это неприятное занятие болельщикам клуба Майкла Шейна и посмотри-ка на карточку, которую я держу. Мне важно, что ты скажешь. Мне надо вернуться в контору.

— Конечно, мистер Меррил. Извините, что разболтался. — Тайни вытер руки о белый фартук и взял карточку.

— Я видел ее. Она была здесь несколько дней назад. Одну минуточку. Теперь припоминаю. Это было в прошлый понедельник. Я был выходной в субботу и воскресенье, а в понедельник вышел с похмелья. Вечер еще только начинался, когда она вошла, около семи часов. Я ее помню хорошо. Она вошла со стороны парковки и постояла в дверях, оглядывая бар.

— Как-будто ожидала увидеть кого-то из знакомых? — спросил Шейн.

— Не думаю. Нет. Не похоже было. Больше походило на то, что она раздумывала, заказать что-нибудь здесь выпить или нет. Она очень приметная женщина. Не пройдешь мимо.

— Сексапильна?

— Да. Но пойми меня правильно, в хорошем смысле слова. Не уличная. Леди — сразу видно. Поэтому я ее хорошо запомнил. Она была... она немного странно вела себя в баре.

— Как она себя вела, Тайни?

— Ну, она подошла и, поколебавшись, первым делом спросила, принято ли здесь, чтобы дама сидела одна в баре, поэтому я сразу сообразил: она новичок в городе. Я, конечно, сказал, что все в порядке. Затем она спросила меня, что бы ей следовало выпить. Это прозвучало довольно странно, но я спросил, что ей нравится. И она сказала, что почти ничего не пьет дома, но сегодня вечером чувствует, что должна выпить. Тогда я сделал ей дайкири.

Тайни помолчал, медленно покачал головой:

— Я обернулся, чтобы налить ей коктейль, смотрю: у нее во рту сигарета, а какой-то парень, стоя сзади, предлагает огонек. Она прикуривает и благодарит его. И все, черт возьми, в порядке. Затем он усаживается рядом с ней, заказывает бурбон. А я искоса наблюдаю и жду, когда же она начнет его отшивать. Но она его подбирает, а это очень странно. Потому что, я могу поклясться, она настоящая леди.

— Может быть, она знала его? — предположил Меррил.

— Нет. Если только это было действительно ее первое путешествие, как она сказала. Я его не раз видел. Джин его зовут. Фамилии его не знаю. С ним все в порядке. Уравновешенный, спокойный. Но я слышал от других, что он околачивается по таким барам, как этот, и выискивает, кого бы подцепить.

Меррил сурово произнес:

— Ты знаешь правила «Бич-Хэвен», Тайни. Мы не позволяем...

— Послушайте, мистер Меррил. Я знаю свою работу за стойкой. У меня дрянь не появляется, когда я дежурю. Но если один клиент желает угостить другого, и при этом они вежливо и приятно ведут себя, то я наверняка потеряю работу, если стану соваться в чужие дела.

Меррил вздохнул:

— Да, ты знаешь свое дело, Тайни. Итак, они начали беседовать. Ты что-нибудь услышал?

— Вы знаете, как обычно происходит, — мягко сказал Тайни. — Мне требовалось обслуживать других клиентов. А эти двое разговаривали негромко. Очень спокойно и приятно. Но пару вещей я уловил. Первое, что ее мужа зовут Герберт и что он остался в Нью-Йорке..., и второе, якобы он считает, что мужья и жены должны время от времени отдыхать друг от друга. Я поразился, когда услышал, как она об этом говорила. Сначала я как-то ни о чем не думал. Ну, ничего не было зазорного в том, что она по-дружески выпила с ним, и на этом бы все закончилось. Но такое говорить о своем муже по сути дела совершенно незнакомому человеку... это звучало, как вызов. Затем вроде бы она сказала, что не должна раньше двух недель возвращаться, затем они заказали еще по коктейлю.

— И вот еще что, — лицо Тайни напрягалось. — Он попросил счет, но она его схватила и протянула руку за моим карандашом. Она сказала, что будет чувствовать себя девицей легкого поведения, если позволит ему оплатить коктейли. А меня спросила, согласен ли я с ней. Затем что-то было сказано о рулетке, и они вышли через дверь, которая ведет на стоянку.

— Не назвали ли они случайно то место, куда собирались отправиться? — спросил Шейн.

— Нет, уверен, что нет. Я наблюдал, как они выходили вместе, и подумал, какого черта? Как можно ошибиться в даме, — он помолчал, вновь задумавшись. — Кажется, я слышал, что этот Джин частенько бывает в казино «Грэй Галл». Если хотите, я поспрашиваю попозже ребят, когда они начнут собираться.

— Ты имеешь в виду этих жуликов из игорных домов, которые приходят сюда, чтобы поохотиться за нашими гостями? — требовательно спросил Меррил.

— Ну, не надо так громко, мистер Меррил.

— Ты можешь описать Джина? — быстро вмешался Шейн.

— Ему около тридцати, можно сказать, красавчик. Худощавое, хорошо загорелое лицо. Каштановые волосы. Он хорошо одет, всегда улыбчив и женщинам нравится.

Шейн сказал:

— Я знаю Тайни давно, Боб. Тебе повезло, что он здесь работает. Когда ты вновь увидел женщину? — спросил он Тайни...

— Больше я ее не видел. Я поджидал ее, зная, что она живет здесь, и спрашивал себя, сойдется она с Джинном или нет. Но она так и не появилась... во всяком случае, когда я был на дежурстве. А что с ней, Майкл? — заинтересованно спросил он. — Почему вы расспрашиваете?

Шейн спросил:

— Хочешь рассказать ему, Боб?

— Все в гостинице знают... Почему он не должен? Насколько мы выяснили, Тайни, ты последний, кто видел миссис Герберт Гаррис.

— Это как? Она выписалась?

— Она не выписалась, — горько сказал Меррил. — Вот ведь в чем беда. Похоже, что она вообще больше не появлялась в отеле с того момента, как вышла в эту дверь.

— Это точно? — Тайни в изумлении потряс головой. — Этот Джин тоже больше здесь не появлялся.

— Пспрашивай вокруг, Тайни, — попросил Шейн, допивая коньяк и с удовольствием облизывая губы. — Может, прибудет полиция, может, появится муж и будет спрашивать тебя о ней. Полиции расскажи правду, а с мужем немного полегче, ладно? Он очень переживает.

— Да, я бы тоже, если бы был женат на этой куклке. Ты хочешь, чтобы я беседовал с полицейскими, Майкл?

— Если они придут с вопросами. Мы не можем позволить себе что-то скрывать от них в такой ситуации. — Майкл соскользнул со стула.

— Возвращаетесь в контору, Майкл?

— Только на минуточку заскочу. Нужно подработать статью, которую Рурк должен поместить вместе с фотографией в газете сегодня вечером.

Меррил ничего на это не ответил, пока они трое не оказались в его конторе за закрытыми дверями. Затем он спросил:

— А надо ли это делать, Майкл?

— Я взялся за дело... получил гонорар от Гарриса за то, чтобы найти его жену. Да, придется, Боб.

— Нельзя ли сделать так, чтобы название отеля не упоминалось?

— Ты сам знаешь, что нельзя, — прямо сказал Шейн. — Но мы уберем все личное о портье, посыльном и то, как ее подобрали в баре. Хорошо Тим?

— Я могу изложить все вокруг да около, — согласился тот.

— У вас есть номер и описание машины, которую она взяла напрокат? — спросил Шейн.

— Да, вот, пожалуйста, ведь мы все включаем в счет отеля. — Меррил подошел к картотеке позади стола и вытащил очень тонкую папку. Он открыл ее, вытащил отпечатанный на машинке листок с записями и положил на стол.

— Сфотографируй-ка все это, Тим, — Шейн закурил сигарету и, попыхивая ею, потирал мочку левого уха в то время, как Рурк снимал копию с документов. — В настоящий момент, если мы найдем эту машину, она должна повести нас дальше. Гаррис в отеле, Боб?

— Сейчас? Не знаю. Мы дали ему другую комнату... прямо напротив комнаты его жены... бесплатно, конечно. Уж очень ему было бы тяжело оставаться в ее номере. Ты хочешь, чтобы я проверил?

— Мне бы хотелось, чтобы ты это сделал. Если он на месте, то мне кажется, Тим, ты должен поговорить с ним и составить об этом парне свое собственное мнение.

Меррил набрал номер и минуту спустя проговорил:

— Мистер Гаррис? Мистер Шейн желает с вами поговорить, — он передал трубку детективу.

— Гаррис? У меня еще нет ничего определенного, но кое-что мне уже известно. Ранее я упомянул о заметке в «Ньюс», которая может помочь. Здесь, внизу, находится лучший репортер газеты Тимоти Рурк. Мне бы хотелось, чтобы вы с ним поговорили. Он не только прекрасный репортер, но и необыкновенно порядочный парень, к тому же один из моих близких друзей. Расскажите ему все и доверьте написать статью, которую вы бы хотели увидеть опубликованной.

— Конечно, Шейн. Буду рад видеть. Что вы обнаружили?

— Ничего определенного, — Майкл Шейн постарался, чтобы его голос звучал бодро и оптимистично. — Держитесь и дайте нам еще пару часиков. Мистер Рурк сейчас поднимется к вам.

Он тряхнул головой, кладя трубку на рычаг, и сказал:

— Бедняга! Что еще можно сказать в таких случаях.

— В таких случаях обычно вешают трубку, что ты и сделал, — цинично произнес Рурк, — а я должен пойти наверх и встретиться с ним, лицом к лицу.

— Иди к нему, Тим. А тебе, Боб, большое спасибо. — Шейн быстро зашагал к двери.

— Куда ты направляешься? — требовательно спросил Рурк.

Шейн приостановился:

— Вилли Арентц — менеджер «Грэй Галл», и он мне кое-чем обязан. В это время он должен быть у себя, в офисе. Затем, я думаю, загляну к Питу Пэйнтеру и постараюсь расшевелить его немножко. Между тем, Боб, может быть, не сейчас, а попозже, я захочу получить полное досье на вашего портье, по-моему, Лоуфорда... и вашего молодого атлета Билла Томсона.

— Боже мой, Майкл! Ты что, их подозреваешь? Шейн ответил:

— Я никого не подозреваю. С другой стороны, все, что мы имеем по этому делу, — это их ничем не подкрепленные показания. И чем больше я раздумываю, тем сильнее мне хочется их обоих проверить.

Он вышел и тихо закрыл за собой дверь.

«Грэй Галл» располагался на несколько миль севернее побережья, вдали от фешенебельных отелей. Он открывался для игр только после обеда, но когда подъехал Шейн, на стоянке уже стояли шесть или восемь машин. Парадные двери были открыты.

Он вошел и оказался в просторном, пустынном вестибюле, который отделял бар от большого обеденного зала, откуда доносились голоса и позвякивание серебряной посуды. Никто не остановил Шейна, когда тот поднимался по широкой лестнице на второй этаж к игровой комнате. За дверью без надписи он услышал голоса и вошел. Работал кондиционер, двое в майках-безрукавках склонились над столом, заваленным бумагами. Человек, сидящий за столом был Вилли Арентц, стройный и энергичный, с маленькой светлой бородкой и очень холодными голубыми глазами. В своем деле, которое процветало, он имел репутацию честного человека.

Когда Арентц услышал, что кто-то открывает дверь, он, не скрывая досады, поднял глаза, но узнав рыжеволосого, сдержанно улыбнулся.

— Майкл Шейн, — сказал он бесстрастным голосом, — подождешь минутку, пока я закончу проверку?

Арентц не заставил себя долго ждать. Освободившись, он пригласил Шейна сесть в кресло у стола.

— Не хочешь сигару? А как насчет выпить?

— Ничего не надо, спасибо. Мне бы хотелось получить кое-какую информацию, Вилли.

— Она твоя, если я ею располагаю.

— Первым делом: не видел ли ты когда-нибудь эту женщину в вашем заведении? — Шейн достал из кармана фотографию Эллен Гаррис. Арентц внимательно изучал ее, выпятив губы и поглаживая усы указательным пальцем.

— Не могу сказать наверняка, что видел. Но всегда буду рад ее видеть, если она захочет нас посетить. Настоящая красotka.

— Которую ты никогда не забыл бы, если бы она побывала здесь, — подсказал ему Шейн.

— Ты знаешь, как у нас... каждую ночь приходят и уходят сотни, может быть, не этого класса, но я согласен, никогда не знаешь... Во всяком случае, Майкл, у меня такое чувство, что в честь такой красотки должны звонить колокола.

— Не работает ли у тебя «зазывала» по имени Джин?

— У нас нет «зазывал», Майкл. Мне нравится чувствовать, что гости приходят ко мне, потому что они хотят поиграть и знают, что будут честно обслужены за свои деньги... и не так, как в других местах, куда посетителей приводят, как овец к жертвенному алтарю. С другой стороны, — продолжал он, и едва заметная искорка вспыхнула в его глазах, — мы, действительно, за определенные проценты договариваемся с несколькими людьми, которые иногда приводят кого-нибудь сюда, а не в другое казино, где его точно обдерут, как липку. Один из них — Джин Блейк. О нем ты спрашиваешь?

— Я не знаю его фамилии. Ему около тридцати лет, с каштановыми волосами и худощавым хорошо загорелым лицом. Одет не кричаще, со вкусом. Умеет обращаться с женщинами, — Шейн

нахмурился, повторяя полученное от Тайни описание мужчины, с которым Эллиен Гаррис видели в последний раз.

— Это точное описание Блейка, — Арентц откинулся назад, его глаза стали жесткими, — Джин нарушил что-нибудь?

— Не знаю. Как бы ты его охарактеризовал сам?

— Лично я ничего не могу сказать. Все, что я слышал от других, — обычный парень, который зарабатывает на жизнь таким способом. Я тебе скажу, что ничего плохого за ним не замечал, иначе он сюда бы не приходил.

Шейн постучал фотографией перед Арентцем и стал рассказывать:

— Джин Блейк вышел из бара «Бич—Хэвен» с этой женщиной вечером в прошлый понедельник, подобрав ее там. Бармен слышал, что когда они выходили, упоминались азартные игры. Она не вернулась в гостиницу в ту ночь, и по сей день ее нет. Не проводил ли он ее сюда, Вилли?

Арентц вновь стал внимательно рассматривать снимок.

— В понедельник вечером? Было не густо народу. По понедельникам всегда так. С десяти вечера я был внизу. Джин Блейк? Г—м—м... — он потрогал усы, размышляя: — Она азартный игрок, Майкл?

— Я не знаю, сколько у нее было наличных. Ее муж — биржевый маклер в Нью-Йорке..., довольно прилично зарабатывает, но не купается в деньгах.

— Почему я спрашиваю... если бы она оставила кучу денег, то Джин, непременно, кружился бы рядом, чтобы снять колоду. Я просто не помню, Майкл. У меня такое чувство, что Джин появлялся несколько вечеров назад, точно... Но с тех пор я не помню, чтобы его видел. Попозже, вечером, я могу показать снимок своим, и, может, что-нибудь выужу для тебя. Если она была здесь, то кто-нибудь из мальчиков обязательно опознает ее.

— И кстати, не мог бы ты проверить, не получал ли Джин премиальные у кого-нибудь в понедельник вечером?

— Естественно, могу, — он нажал кнопку в столе, — но это всего лишь предположения. Ниже пятисот мы счет не ведем!

Он замолк, когда открылась дверь и появился молодой человек в очках, который почтительно спросил:

— Вызывали, шеф?

— Проверь, Генри, не платили ли мы что-либо Джину Блейку на этой неделе.

Генри кивнул и исчез во внутренней комнате. Арентц проницательно посмотрел на Шейна и спросил:

— Ты думаешь, эта дама пропадает с Джином с ночи прошлого понедельника?

— Я уже не знаю, что и думать, — сказал Шейн. Генри вновь появился в дверях и сказал:

— У нас нет записей о том, что мы что-то выплачивали Джину Блейку последние две недели.

Арентц кивнул и отпустил его.

— Вот видишь, — сказал он Шейну. — Это не значит, что он не приводил ее в понедельник вечером. Это только значит, что она оставила не более пятисот... или Джин был настолько занят с тех пор, что у него нет времени прийти и получить их.

— Не знаешь, где я могу его найти?

— Мы таких записей не ведем, Майкл. Как я сказал, он у нас не работает постоянно. Я поспрашиваю вечером, может быть что-нибудь добуду для тебя.

Шейн сказал:

— Спасибо, Вилли, — и встал. — У меня это единственный экземпляр, — и положил фотографию Эллиен в карман. Он подошел к двери, открыл ее и обернулся:

— Возможно, полицейские появятся здесь и будут задавать те же самые вопросы. В настоящий момент Пэйнтер делает вид, что ничего не произошло. Но в вечерней «Ньюс» на первой полосе появится эта история, что заставит его оторвать свой зад и действовать.

— Мой «Грэй Галл», надеюсь, не будет упомянут в том рассказе в газете?

Шейн отрицательно покачал головой.

— В этой — нет, Вилли. Чем быстрее прояснится дело, тем больше шансов, что ты не будешь впутан в дело.

Шейн попрощался и вышел.

Арендц посмотрел ему вслед, посидел спокойно, затем поднял трубку телефона и начал набирать номер.

В огромном холле внизу цветной лениво пылесосил ковер. Шейн быстрыми шагами направился к открытой двери, затем внезапно замедлил шаг и остановился у телефонной будки. Рядом с ней, на полке, лежали телефонные справочники города Майами и побережья. Он пролистал сначала справочник взморья и нашел какого-то Юджина Блейка с указанным адресом на 12-й стрит. Он оставил книгу раскрытой на этой странице и проверил справочник Майами. Там было много Блейков, но ни Джина, ни Юджина среди них не оказалось.

Он вошел в будку, плотно закрыл дверь, чтобы звук работающего пылесоса не проникал внутрь, и набрал номер, указанный в справочнике. Он услышал четыре гудка, затем в трубке щелкнуло и женский голос повторил номер, который он набрал. Шейн спросил:

— Можно попросить мистера Блейка?

— Его нет сейчас, — ответила она, — что ему передать?

Шейн неуклюже начал:

— Я... это старый друг Джина, не из этого города. Я давно о нем ничего не слышал. Это... миссис Блейк?

В трубке послышался едва заметный смешок.

— Это профессиональное бюро ответов по телефону. Если вы хотите оставить какое-то сообщение для мистера Блейка, буду рада его передать.

Шейн сказал:

— Не смею вас утруждать, — и повесил трубку.

Он посидел в холле, устремив взгляд на стену, потом вернулся к телефонной будке и проверил адрес Юджина Блейка. Вышел на улицу, сел в машину и отправился на юг, по направлению к 12-й стрит.

Это был квадратный, двухэтажный, многоквартирный дом в самом дешевом районе побережья. Шейн припарковал машину и вошел в подъезд с шестнадцатью почтовыми ящиками на каждой стороне. Он нашел «Блейк Ю.» на номере двенадцать, толкнул дверь и пошел по левой стороне коридора. Остановился перед двенадцатой квартирой и постучал. Он не ожидал ответа и не получил его, вытащил из кармана кольцо со множеством отмычек. Первый ключ вошел в замок, повернулся в нем наполовину и застрял. Шейн вытащил ключ, выбрал другой, внимательно изучив предыдущий. Вторым ключом он без труда открыл квартиру Блейка. Вошел во внутрь и запер за собой дверь. Он стоял в маленькой прихожей, открытая дверь слева от него вела на кухню, а впереди был сводчатый проход. Легкий запах сырого и непрветренного помещения доносился из квартиры. Шейн прошел под аркой в маленькую неприбранную гостиную. Окна были плотно закрыты, и затхлый запах табачного дыма висел в воздухе. У стены потрепанный диван, а возле него — кресло с такой же обивкой, рядом на полу валялась газета. На кофейном столике, перед диваном он увидел два стакана и полупустую бутылку дешевого виски. Один из высоких стаканов был пуст, а во втором, явно для коктейля, на дне осталась крошечная порция жидкости молочного цвета.

Шейн наклонился понюхать, но что это было — дайкири или нет — определить не сумел. Пепельницу переполняли окурки, половина из них хранила следы губной помады.

Рассматривая, Шейн пытался сообразить, какую помаду употребляют обычно блондинки типа Эллен Гаррис.

Он подошел к креслу у дивана и посмотрел на газету, лежащую на полу. Газета была датирована прошлым вторником.

Шейн вошел в спальню и увидел неприбранную двуспальную кровать, возле которой он обнаружил еще одну пепельницу. Она также содержала почти равное количество окурков, испачканных губной помадой, и без нее. Затхлый запах в спальне говорил о том, что в ней несколько дней никого не было.

Шейн вернулся и заглянул в ванную, но, не обнаружив там ничего интересного, направился через гостиную и остановился в дверях кухни, не входя в нее.

Две пустые пепельницы стояли на сушилке у мойки, маленькие мушки жужжали над остатками двух выжатых лимонов, валявшихся в раковине.

Он вышел из квартиры и запер за собой дверь. Подошел к своей машине и поехал, выискивая телефонную будку. У первой же он остановился, полистал желтые страницы справочника и нашел адрес «Профессионального бюро ответов по телефону», которое оказалось поблизости, на 14-й стрит.

ГЛАВА 9

В приемной бюро восседала приятная дама средних лет. Когда она спросила, чем может быть ему полезной, Шейн улыбнулся самой обворожительной улыбкой и начал:

— Это, вероятно, против ваших правил, но я сыщик, разыскиваю женщину, которая исчезла из одного отеля несколько дней назад. Думаю, что один из ваших клиентов мог бы дать мне информацию о ней, и я настоятельно прошу соединить меня с ним. Женщина может попасть в большую беду, — мрачно добавил он.

— Его телефон не отвечает?

— Ответила ваша служба, когда я недавно попытался ему позвонить. Я знаю, что его не было дома несколько дней, и полагаю, что вы переводите его звонки на другой номер.

— Не всегда. В большинстве случаев мы просто записываем послания, а потом зачитываем их абоненту, когда он нам перезванивает.

— Вы хотите сказать, что не знаете, как его найти? — Шейн не скрывал разочарования.

— Обычно нет, — она заколебалась. — Конечно, если абонент заранее ставит нас в известность о том, что не будет несколько дней у своего телефона, то мы находим его по другому телефону. Звонки могут быть переведены немедленно, и ему не требуется перезванивать. Это одна из наших услуг.

— А вы сообщаете тому, кто его вызывает, новый номер, или просто записываете сообщение и затем звоните абоненту?

— Делаем так, как он пожелает.

— Ведутся ли у вас записи о таких услугах? — настаивал Шейн.

Ее глаза едва заметно сверкнули:

— Да, но я не имею права выдавать информацию. Шейн льстиво произнес:

— Я вас очень прошу, проверьте, пожалуйста, я хочу убедиться, насколько правильны мои предположения. От вашего ответа зависит жизнь женщины, — убеждал он, — нам очень важно узнать, имелась ли договоренность найти его по другому телефону.

Она сказала:

— Не знаю... это же нарушение конфиденциальности.

— Его зовут Джин Блейк, — быстро сказал Шейн и добавил номер телефона и квартиры Блейка.

Она повернулась к большой алфавитной картонной картотеке по левую сторону стола и ловко вытащила карточку. Шейн бесшумно и незаметно приблизился к ней и заглянул через ее плечо в карточку, на которой было написано: Блейк, Джин. На левой стороне были карандашные пометки дат, Шейн сконцентрировал внимание на последней. Он не смог разобрать загадочную запись, но она заканчивалась местным номером телефона, затем следовало 410.

Он запомнил номер и невинными глазами посмотрел на даму, когда та обратилась к нему:

— Мистер Блейк действительно просил нас перевести все звонки в прошлый вторник на другой номер до следующих указаний. Он просил, чтобы новый номер никому не давали, и я не могу нарушить слово.

Она говорила очень решительно, и Шейн не мог понять, знает ли она о том, что он успел прочитать номер, или нет. Он все-таки решил, что она знает, и поблагодарил:

— Вы были очень любезны, и я не могу настаивать, чтобы вы выдавали секреты ваших клиентов.

Он поспешил к ближайшему телефону-автомату и, чтобы не забыть наспех схваченный номер, набрал его. Сладкий голос сказал:

— Добрый день. Отель «Сиспрей». Чем могу вам служить?

Шейн ответил:

— Спасибо, ягодка, — и повесил трубку.

«Сиспрей» был одним из огромных игорных отелей, построенных в период расцвета, в двадцатые годы. Сейчас здесь проходил какой-то съезд, и фойе все время заполнялось

выезжающими и въезжающими гостями. Шейн прошел сквозь толпу и втиснулся в лифт. На четвертом этаже он вышел и, подойдя к номеру 410, постучался.

Через полминуты дверь открылась, и перед Шейном предстал мужчина в пижамных брюках, майке и домашних тапочках, с полотенцем через плечо. Его каштановые волосы были влажны и непричесаны, мускулистые руки и плечи отливали загаром. Держа дверь полуоткрытой, он злобно глядел на рыжеволосого.

— Думаю, вы ошиблись номером.

Шейн с силой толкнул дверь — человек отпрянул назад.

— Все соответствует: и комната и наш приятель, — сказал он, разглядывая большую гостиную дорогого номера. Ванная комната была открыта, а далее взгляд упирался в закрытую дверь, ведущую в спальню.

— Это что за безобразие! Врывается в чужой номер и...

Шейн рявкнул:

— У меня есть основания, Блейк. Кто в спальне?

— Моя жена, и я туда не приглашаю. — Блейк бросил на пол полотенце и, выпятив челюсть, угрожающе выставил вперед сжатые кулаки.

Шейн сказал:

— Мы оба знаем, что у тебя нет жены, Блейк. Я должен посмотреть.

Он положил свою огромную руку на грудь молодого человека и оттолкнул его. Едва удержавшись на ногах, Блейк смущенно улыбнулся:

— Может, поговорим по-другому, — заискивающе произнес он, потянувшись за бумажником.

— Я не вымогатель. Я только хочу посмотреть на женщину в твоей спальне, — сказал детектив и решительно направился вперед. Слабо протестуя, Джин Блейк посторонился, и когда Шейн постучал в дверь, крикнул:

— Все хорошо, Пегги. Не волнуйся.

Шейн заглянул в комнату. У трюмо спиной к нему сидела женщина, спокойно подкрашивая губы. Встретившись с ней взглядом в зеркале, Шейн понял: это — не Эллен Гаррис.

— Извиняюсь, мэм, — грубовато сказал он и вышел из спальни.

Трясущимися руками Блейк прикуривал сигарету.

— Это что за фокусы такие, с подглядыванием?

Шейн спросил:

— Где Эллен Гаррис?

— Не знаю я никакой Эллен Гаррис.

— Может, это освежит твою память, — Шейн вытащил из кармана фотографию и протянул ее Блейку. Блейк молча посмотрел на нее, облизнул губы.

— Наверное, так ее звали. Я встретил ее в баре «Бич-Хэвен» в прошлый понедельник. Так это она?

Он вопросительно посмотрел на Шейна, но уже без страха.

Шейн бросил:

— Сядь и расскажи мне все по порядку.

— Почему я должен рассказывать? Кто вы, и что все это значит?

Шейн непреклонно повторил:

— Садись и рассказывай мне или одевайся и пойдем в полицейский участок. Меня зовут Шейн, — добавил он нетерпеливо, — я частный детектив, разыскиваю миссис Гаррис.

— О, боже! Вы — Майкл Шейн, точно. Как это я сразу вас не узнал!

Блейк выглядел так, словно его сняли с креста.

— Что случилось с миссис Гаррис? — спросил он.

— Я надеюсь, что мне об этом расскажешь ты.

Шейн сел, закурил сигарету.

— Я знаю, что ты подцепил ее в баре, и она записала на свой счет пару коктейлей, и вы вместе вышли через заднюю дверь к стоянке машин. Вот отсюда и продолжай.

Джин Блейк тоже сел и медленно затянулся сигаретой.

— Она была чертовски красива. Вела себя довольно странно, многообещающе... Показалась мне женщиной пылкой, безо всяких тормозов. Мы сели в машину, взятую напрокат, я думаю. Я

предложил вначале пообедать, но она не хотела есть. Хотела играть. Я это особенно запомнил, потому что вовсе не ел в ту ночь, и в результате на следующий день имел жуткую головную боль. Как я теперь припоминаю, у меня создалось впечатление, что она как-будто играла совершенно новую для себя роль. Может быть, она пыталась изображать распутницу?

— Это она предложила «Грэй Галл» или ты?

— Будь я проклят, если помню. Вероятно, я. Хотя имеются другие места, куда бы я скорее привел женщину. Она купила жетонов на пятьдесят долларов для начала и уселась за стол с рулеткой, ставила по маленькой. Они дали мне пятьсот долларов... Я думаю, вы знаете о таких сделках? — он смял сигарету и вопросительно поглядел на Шейна. Тот кивнул и ответил:

— Я разговаривал с Вилли сегодня после обеда.

— Ну вот. Он может подтвердить, что она была плохим игроком. Я постоял у рулетки недолго, мне стало скучно, и я отправился к столу, где бросали кости, но все время возвращался к ней... Вы знаете... она играла, почти ничего не прибавляя к ставке. Тут я увидел, что она явно по-дружески обходится с другим парнем. Я не возражал, потому что к тому времени разговорился с Пегги. Она была одна и долгое время ничего не выигрывала, а вдвоем нам удача подфартила, и я уже решил окончательно, что с Эллен я мало получаю. Я еще раз вернулся к ней, но она меня практически не замечала, флиртуя с другим парнем.

— Как ты думаешь, Блейк, она его знала? Может, все, что она от тебя хотела — это, чтобы ты ее туда доставил, и она могла с ним встретиться?

— Не знаю. Я ни о чем подобном не думал тогда. — Блейк был явно озадачен. — Зачем ей такие хлопоты? У нее была машина, она могла и одна туда добраться.

Шейн сказал:

— Может, она не решалась прийти в казино без сопровождающего?

— Может быть, — согласился Блейк. — Наверняка, я думаю, этим можно объяснить, почему она так быстро охладела ко мне, как только мы туда попали. Я только подумал: «Ну и черт с ней» — и вернулся к Пегги. Мы еще поиграли... раза три-четыре проиграли... и закончили утром у меня дома. — Он передернул плечами. — После обеда мы перебрались сюда, с тех пор праздник продолжается.

— Ты можешь описать мужчину, с которым подружилась Эллен Гаррис?

Блейк сощурил глаза и стал напряженно думать:

— Довольно неприметный, насколько я его помню. Лет сорока, плотный, мне кажется... Одна деталь... я думаю, что он не местный. Почти без загара и одет в темный костюм.

Он замолчал — в комнату вошла Пегги. Невысокого роста, полноватая, с медными волосами, она не потеряла самообладания, выплыв из спальни. С любопытством посмотрела на Шейна, который продолжал сидеть.

— Кто этот человек, милый?

— Он сыщик, рыбка, частный, — и добавил поспешно, — и не интересуется нашей любовной жизнью. Он пытается найти одну даму, которую я оставил ради тебя в прошлый понедельник вечером. Ты помнишь ту?...

— Придержи язык, — вмешался Шейн, — мне бы хотелось услышать рассказ Пегги о том вечере без подсказки со стороны. Что ты помнишь о нем, Пегги?

— Рассказать ему?

— Конечно. Расскажи ему точно, как это было, — разрешил Джин. — Нам ведь нечего скрывать. Он пользуется репутацией честного стрелка.

— Хорошо. Я сидела в «Грэй Галл» у стола, где играли в кости, и скучала. Было около девяти часов, кажется. — Она глянула на Джина — тот кивнул — и продолжала:

— Около девяти. Может, чуть позже. Мы разговорились, Джин и я, и... тут же стали выигрывать, — она с любовью посмотрела на него, — я разу поняла, что он хороший игрок, и флюиды были те, что надо, если вы понимаете, о чем я говорю. — Она смело поглядела на Шейна и хихикнула. — И он пояснил мне, что пришел с той женщиной, играющей в рулетку, но он ее оставит — пусть сама выкарабкается, а мы отправимся в какое-нибудь другое место.

— Он показал тебе ее?

— Конечно. То есть я видела, как он подошел к ней и разговаривал. Здоровая, как лошадь, блондинка в ярко-красном платье, вот с таким вырезом, — она преувеличенно широким жестом

опустила руку до пупа, — посмотришь, и все сразу ясно, что там под платьем, вы понимаете, о чем я говорю. Некоторым мужчинам это нравится. Джин признался, что он любит открытия, — она вновь нежно посмотрела на своего любовника, — кроме того, блондинка уже заигрывала с другим мужчиной, и мы выскользнули из казино. Вот и все.

— Ты рассмотрела того мужчину, с которым она, как ты сказала, заигрывала?

— Да нет, в тот вечер другие мужчины меня уже не интересовали.

— Это та женщина из «Грэй Галл»? — Шейн показал ей фотографию Эллен Гаррис.

Она без интереса кивнула:

— По-моему, да. Она, мне кажется, в действительности не была так хороша, как на снимке, но думаю, что это она.

— Ты готова присягнуть, что больше никогда не видела блондинку и что ты и Джин остаток ночи провели вместе... и с того момента все время вместе?

— Эй, что значит «присягнуть»? Пожалуйста, не вмешивайте в это дело Пегги.

— Она уже замешана, — холодно бросил Шейн. — Насколько мы все знаем, вы оба — последние, кто видел миссис Гаррис. Вам придется пройти в полицейский участок и подписать показания.

— Полицейский участок? — в ярости выкрикнул Джин, — вы частный сыщик. Какое отношение вы имеете к полиции? Послушайте, я вам честно рассказал, надеюсь, что история останется между нами.

— Эллен Гаррис пять дней считается пропавшей. Ее муж приехал из Нью-Йорка и поднял шум в отеле. Этот снимок будет сегодня помещен на первой полосе вечернего выпуска «Ньюс». Тебе не избежать вопросов, Джин. Если твой рассказ подтвердится, то есть шанс, что мы не будем широко распространяться, и ты останешься в стороне. Питер Пэйнтер меня не переносит и будет здорово недоволен тем, что я первым до тебя добрался. Поэтому он сделает практически все, чтобы доказать твою непричастность к делу. Пошли.

— Кроме того, у тебя нет выбора, — мрачно добавил он, вставая на ноги. — Или вы оба одеваетесь и идете со мной, как послушные граждане, или я вызываю полицейскую машину.

ГЛАВА 10

Питер Пэйнтер продержал всех троих в маленькой передней главного управления Майами-Бич минимум минут пятнадцать. Шейн, сидя в кресле неподалеку от парочки, безмятежно выкурил подряд все сигареты. Оживленный шепот двух молодых людей время от времени прерывался мягким смешком Пегги.

Никто из них не выглядел испуганным или встревоженным. Они обиделись на Шейна за то, что он их сюда привел, но это было совершенно естественно: он и сам бы на их месте обиделся.

Пока они ждали, Шейн, мысленно шаг за шагом прокручивая рассказ Блейка о вечерних событиях прошлого понедельника, был склонен поверить ему, по крайней мере в основном. Не составит труда проверить, что произошло в «Грэй Галл» в понедельник ночью. Кассир вспомнит, как он передавал Блейку пакет с жетонами и какую сумму тот вернул. Кто-нибудь из группы обязательно вспомнит эффектную блондинку, которую привел Блейк и которая покинула его ради другого мужчины.

Джин имел возможность наблюдать за людьми, играющими вместе за его столом, чтобы понять, знакомы они или нет.

Тут-то и заключалось самое загадочное в рассказе Блейка. Если Эллен запланировала заранее встречу до приезда в Майами... если это было тайное любовное свидание, то зачем же обставлять его, как в сцене из пьесы «Плащи и шпаги»?

Если Эллен опасалась того, что за ней приставлен хвост, то ее знакомство в баре с Джином можно представить как вынужденную необходимость, то есть как способ сбить преследователя со следа. Но к чему все эти трюки: ведь время ее пребывания в гостинице было известно заранее, и она могла договориться о встрече в каком угодно месте.

Однако Гаррисы всем давали понять совершенно ясно, что муж не собирался шпионить за своей женой. Конечно, самый правильный ответ прост. Возможно, она просто хотела выбраться из города и вскоре устала от компании Джина Блейка. Не составляет никакого труда за столом с рулеткой познакомиться с партнером по игре. В таком случае гораздо сложнее будет найти случайного знакомого, а не ее старого приятеля.

Молодой полицейский открыл дверь в приемную.

— Шеф готов вас принять, мистер Шейн.

Шейн встал, кивнул парочке и первым вошел в кабинет Пэйнтера.

Шеф сыскной полиции с раздражением поглядел на вошедших. Он был небольшого роста, щегольски одет, на его лице чернели тоненькие, как ниточка, усы.

— В чем дело, Шейн? Я чрезвычайно занят. Шейн спокойно ответил:

— Я привел людей, которые хотят сделать заявление о миссис Герберт Гаррис.

— Гаррис? — прошипел Пэйнтер. — Эта женщина из Нью-Йорка, которая пару дней не ночует в отеле? Тебя-то это почему интересует?

— Женщина из Нью-Йорка, которая считается пропавшей с вечера прошлого понедельника, — поправил его Шейн. — Меня наняли, чтобы ее разыскать.

— Он пришел к тебе? — голос Пэйнтера дрожал от гнева. — После того, как я заверил его, что все возможное будет сделано, чтобы отыскать ее без скандала и огласки. Почему?

— Вероятно, — скромно сказал Шейн, — у меня репутация самого лучшего специалиста страны в этой области.

— Кто это говорит?

— Мистер Гаррис, — сказал Шейн. Он пожал плечами и невинно улыбнулся, — я думаю, с твоих слов, Пит, потому что он пришел ко мне прямо от тебя.

— Я ничего ему не говорил, кроме того, что у нас имеется больше возможностей для такой работы, чем у любого частного сыщика, и что Гаррис только зря потратит деньги, нанимая его.

— Что дали ваши возможности?

— Пока... ничего определенного. Мы выяснили, что она в баре отеля «Бич-Хэвен» в понедельник попала на удочку красноречивого жиголо и ушла с ним, явно намереваясь хорошо

развлечься. Мы разыскиваем ее машину, и, конечно, как только обнаружим ее, я уверен, что она выведет нас на миссис Гаррис и на ее любовника.

— Вот твой красноречивый жиголо, Пэйнтер. А рядом стоит его любовница. Ты хочешь получить от них заявление или нет?

Питер Пэйнтер проглотил проклятье, его глаза засверкали, когда он медленно стал поворачиваться, чтобы разглядеть Джина и Пегги.

— Ладно, Шейн, — сказал он, задыхаясь от гнева. — Как ты их нашел?

— Применяя свои собственные возможности. Ты хочешь, чтобы я присутствовал при их рассказе о миссис Гаррис или чтобы я оставил их тебе? Между прочим, — добавил он, — я понял, что Гаррис отдал тебе другую фотографию своей жены — не ту, которую он принес мне. Было бы неплохо показать им оба снимка.

— Я сам в состоянии решить, как провести опознание, Шейн. — Он нажал на кнопку в столе и, когда появился тот же молодой полицейский, резко приказал:

— Возьми тетрадь и запиши пару заявлений, Петерс.

Шейн скромно прошел в угол комнаты и сел там. Когда стенограф приготовился, Пэйнтер сказал:

— Так. Ты первый, — он ткнул пальцем в Блейка. — Подойди сюда и расскажи мне все, что знаешь о миссис Гаррис. Но сначала скажи имя, фамилию, род занятий.

Блейк назвал ему свое имя, адрес и, поколебавшись недолго, заявил, что по профессии он — коммивояжер, в настоящий момент — безработный.

Пэйнтер открыл ящик стола, вытащил увеличенную фотографию Эллен, положил ее перед Джином.

— Ты узнаешь эту женщину?

Блейк внимательно посмотрел на снимок и кивнул головой:

— Я встретил ее вечером, в прошлый понедельник, в коктейль-баре отеля «Бич-Хэвен». Она представилась как миссис Гаррис из Нью-Йорка.

Пэйнтер одобрительно кивнул и, сощурился глазами, отвалился на спинку стула.

— Продолжай и расскажи, что случилось дальше.

Шейн внимательно прислушивался к рассказу Блейка, который все события вечера описал откровенно и красочно, умолчав лишь о своей сделке с Вилли Арентцем.

Пока рассказ стенографировался, Пэйнтер слушал Джина без замечаний. Затем он подробнее расспросил о мужчине, которого, как признался Блейк, тот видел в казино с Эллен. Не выудив из него никаких новых деталей, Пэйнтер стал превышать свои полномочия, требуя от Блейка подробно рассказать о своем романе с Пегги. Его неприязнь к этой женщине обнаружилась, когда он принялся допрашивать ее.

На язвительные вопросы она отвечала хладнокровно, явно давая понять, что ее частная жизнь его не касается. В протоколе было записано, что ее зовут Маргарет Гольд, что она разведена и живет на алименты своего бывшего мужа, бизнесмена из Балтимора. Она проживала на Майами-Бич в «Фонтбл» уже три дня, прежде чем встретить Джина. Они перебрались во вторник вечером в «Сиспрей», зарегистрировавшись как мистер и миссис Блейк. Ее версия событий в «Грэй Галл» полностью совпадала с той, которую имел Шейн. Она не разглядела мужчину, с которым познакомилась Эллен.

Не скрывая своего отвращения, Пэйнтер сказал обоим:

— Оставайтесь в приемной, пока мы отпечатаем показания. Затем вы их подпишете под присягой.

— И мы сможем уйти, шеф? — с надеждой спросил Блейк.

— Чтобы вернуться в гостиничный номер и предаваться любовным играм? — рявкнул Пэйнтер. — Не знаю. На это есть закон. Я решу позже. Выйдите и ждите, пока вас позовут.

Когда они покинули кабинет и стенографист тоже вышел, чтобы расшифровать запись, Пэйнтер вновь заметил детектива.

— Есть какие-то расхождения в их рассказе?

Шейн покачал головой:

— То же самое они рассказали и мне.

Пэйнтер провел указательным пальцем по усикам и замурлыкал голосом, в котором таилась угроза.

— Эти показания не очень нам помогут. Просто они делают более очевидным тот факт, что миссис Гаррис прибыла сюда поразвлечься с первым, кого подцепит. Джин Блейк не очень соответствовал ее вкусу, поэтому она подхватила другого.

Шейн сказал:

— Может, да, может, нет, — он встал и потянулся. — На сей раз ты не можешь сказать, что я не сотрудничал с тобой, Пэйнтер. Надеюсь, что ты сделаешь то же самое, если найдешь что-нибудь.

Прежде чем Пэйнтер смог ответить, раздался легкий стук в дверь — вошел полицейский, держа в руках газету перед Пэйнтером. Шейн издали разглядел увеличенный портрет Эллен Гаррис, напечатанный на первой полосе.

Он направился бочком к двери и уже взялся за ручку, когда разъяренный голос Пэйнтера остановил его:

— Шейн! Дьявол тебя побери!

Шей продолжал идти и крепко захлопнул за собой дверь. Он выскочил через боковой выход и, обойдя здание, сел в машину и уехал.

ГЛАВА 11

Прежде чем решить, что следует дальше предпринять, он позвонил из автомата Люси Гамильтон и спросил ее, не звонил ли Джим Клиффорд из Нью-Йорка.

— Пока нет, — с волнением произнесла она. — Но только что повесил трубку Тим Рурк. Газета вышла полчаса назад, а уже обнаружилась машина миссис Гаррис. Прямо на стоянке у отеля «Бич-Хэвен». Тим отправился туда.

Шейн сказал:

— Я тоже направляюсь туда, мой ангел. Жди звонка от Клиффорда, ладно? — И он поспешил к отелю.

Когда Майкл Шейн добрался до стоянки машин у отеля «Бич-Хэвен», у входа он обнаружил Роберта Меррилла и молодого служащего, который, как он сказал Шейну, был на дежурстве до шести часов.

— Эд сначала позвонил в «Ньюс», а затем рассказал мне, — объяснил Меррил. — Как только Эд прочел описание, он сообразил, что похожая машина с откидным верхом стояла у отеля уже несколько дней, и он проверил номер...

Я позвонил в полицию и в прокатную контору, чтобы прислали запасные ключи. Вот она, полюбуйся, закрыта со всех сторон. Ну не дьявольщина это, а? Все время под самым носом!

— Она тут стоит с понедельника? — спросил Шейн парнишку.

— С уверенностью не могу сказать. Я просто видел, что она стоит здесь, но особого внимания на нее не обращал. Поэтому не могу сказать, с какого времени и как долго она тут стоит. Могу только сказать, что ни разу не видел, чтобы она подъезжала или отъезжала.

— У них никто не дежурит с шести вечера до восьми утра, — объяснил Меррил. — Если гостю нужна машина, то либо посыльный подведет ее, либо он сам.

В этот момент затормозил потрепанный «седан» Тимоти Рурка, и репортер, широко улыбаясь, выбрался из него.

— Вот вам сила прессы, а? — приветствовал он Шейна и Меррилла. — И награда в пятьдесят долларов. Я привез с собой фотографа, мне бы хотелось сделать пару снимков до того, как Пэйнтер доберется сюда, — добавил он оживленно. — Это ты звонил, чтобы дать сведения? — спросил он служащего.

— Да, сэр. Меня зовут Эд Бигл.

— А я Рурк из «Ньюс», — он сердечно пожал парню руку. — Какая из них? Как насчет того, чтобы сняться для газеты позади машины, показывая ее номер?

— Нет проблем. Вот она, там, — Эд показал на «пontiак» бежевого цвета, стоявший на противоположном конце стоянки.

Рурк взял Эда за руку и потащил его фотографироваться. Шейн поспешил за ними, увидев быстро приближавшуюся машину Пэйнтера и оставляя Меррилла объяснять происходящее шефу сыскальной полиции.

Пока Рурк обеспечивал себе пару снимков, Шейн заглянул через окно внутрь машины и ничего там не увидел. Он обогнул автомобиль и внезапно остановился, морща нос: от машины тянулся едва заметный неприятный, подозрительный запах. Он оглянулся через плечо и увидел, что Пэйнтер и Меррил уже идут в их сторону. Быстро подойдя к Рурку, он тихо произнес:

— Подведи своего фотографа поближе, чтобы он успел сделать снимки внутренностей багажника, как только его откроют. Пэйнтеру это не понравится, но ведь машину нашел ты.

— Боже мой, — сказал Рурк. — Что ты думаешь...

Шейн ответил:

— Принюхайся. Четыре–пять дней на солнце...

Он остановился на полуслове и отошел, так как приблизился Пэйнтер и требовательно спросил Эда Бигла:

— Это ты доложил о машине? Почему ты позвонил в газету, а не в полицию?

— Потому что газета предложила вознаграждение, — отважно ответил Бигл.

— Она стоит тут все время, а ты не замечаешь, пока не объявили вознаграждение? Или держал по запас, надеясь на награду?

Парнишка нервно переминался с ноги на ногу и поглядывал на Меррилу, ища поддержку.

— Зачем я буду докладывать о машинах на стоянке, если на них наклейки нашего отеля? Да я и не обращал на нее внимания, пока не прочитал газету.

Пэйнтер в раздражении отвернулся от него. В это время подъехала еще одна полицейская машина, оттуда вышли техники в форме.

— Проверьте отпечатки пальцев на дверных ручках. Вы говорите, что принесут запасные ключи? — обратился он к Меррилу.

— Из прокатной конторы «Авис». Они вот-вот будут здесь.

— Гаррису сообщили? — спросил Шейн.

— Как это ты так быстро здесь очутился, Шейн? — потребовал от него Пэйнтер. — Вы что, с Рурком сговорились? Почему ты сбежал из моей конторы, как только узнал, что вышла «Ньюс»? И сразу сюда, не так ли?

— Я позвонил моей секретарше, и она передала известие от Тима, — объяснил Шейн. — Так что он, Меррил?

— Гаррис? Нет, ему не сообщили. А он, я думаю, должен быть здесь. Эд, дружок, позвони-ка швейцару, чтобы он попросил мистера Гарриса спуститься сюда, — распорядился Меррил.

Пока служащий бегал к телефону, подъехал маленький грузовичок-пикап, и из него вышел человек в белом рабочем халате.

— Вам нужны ключи от этого «понтиака»

— Иди сюда, парень, — по-свойски сказал ему Пэйнтер и пошел к машине, предупреждая механика.

— Постарайся открыть двери, не касаясь ее поверхности. У вас отмечено, сколько миль прошла машина?

— Да, с того момента, когда она ушла в понедельник.

Шейн повернул назад и встал позади Тимоти Рурка, когда механик, не касаясь ручки, открывал правую дверь и дверь водителя. Рурк, стоя в напряжении у багажника, позади своего фотографа, пробормотал:

— Черт возьми! Мне кажется, ты прав, Майк. Не можешь ли ты позвать их, чтобы они открыли багажник?

Шейн подошел к полицейскому, снимавшему отпечатки пальцев. Тот стоял рядом с Пэйнтером и ждал, когда можно будет поработать внутри машины. Шейн спросил его, как бы невзначай:

— А ручку багажника проверили? Его тоже надо открыть.

— Да, — тут же отозвался Пэйнтер, — проверь, если еще не успел. — И механику: — Открой багажник тоже.

Специалист по дактилоскопии посыпал порошок ручку багажника, получил отрицательный ответ и отступил, фотограф «Ньюс» поднял свою камеру и приготовился снимать, когда механик открыл крышку багажника, поднял ее и тут же быстро отступил с возгласом проклятья. Отвратительный трупный запах вырвался из заточения и резко ударил ему в нос.

Фотограф был начеку и успел сделать снимок... скрюченного тела.

Все, за исключением механика, были более или менее подготовлены к виду насильственной смерти, но это являло собой наиболее ужасное зрелище, которое каждый из них когда-либо видел.

Они стояли поодаль от машины, поглядывая с нахмуренными лицами на труп, а свежий ветерок разгонял вырвавшийся из багажника смрад.

Они глядели на мертвую женщину, одетую в красное платье для коктейля, подол которого задрался, обнажая длинные, стройные ноги. Она была блондинка.

Это все, что они могли сказать о ней в данный момент. Лицо было так зверски изуродовано, что вряд ли кто-нибудь смог бы ее узнать...

Шейн услышал шаги бегущего человека. Он повернул голову и увидел Герберта Гарриса, спешащего к ним через стоянку. Лицо нью-йоркца было серым, галстук сбит набок. Шейн

пробормотал про себя проклятье и двинулся навстречу Гаррису, приостановил его, крепко схватив за руку.

— Они нашли ее машину? — Гаррис часто и быстро дышал. Его испуганный взгляд упал на открытый багажник, на стоящих вокруг людей. — Боже мой, Шейн, — простонал Гаррис.

— Боюсь, что мы и ее нашли, мистер Гаррис, — пальцы Шейна крепко сжали его руку. В этот момент детектив ненавидел свою работу.

— О, боже мой, — простонал Гаррис, когда увидел, что было в багажнике. Он прислонился к Шейну, а когда легким порывом ветра до него донесло запах, то его тут же стошнило.

Шейн поддерживал своей рукой его дергающееся тело.

— Это Эллен? — он держал глаза крепко закрытыми и цеплялся за Шейна. — Это... моя жена? — продолжал он, содрогаясь.

Шейн отодвинул его в сторону, резко говоря:

— Мы еще не знаем. Вероятно. Давайте, до конца освободитесь, чтобы из вас все вышло, — продолжал он тем же резким голосом. — Позже мы еще раз попытаемся опознать труп.

— Я в порядке, — прорыдал Гаррис, его опять стошнило, но он выпрямился и отодвинулся от Шейна.

Подошел Питер Пэйнтер и бесцеремонно спросил:

— Это ваша жена, Гаррис? Вы узнаете ее?

— Кто же может... узнать ее? — с болью в голосе вскричал Гаррис. — Смогли бы вы узнать свою жену, если бы она выглядела таким образом? — Он закрыл лицо руками, его колени дрожали.

Шейн отпустил его трясущееся тело на землю и сказал просительно:

— Ради Христа, Пит, оставь ты его пока. Потом проведешь опознание.

Он дернул головой в сторону Меррилла и сказал:

— Помоги мне поднять его в комнату и вызови туда доктора.

ГЛАВА 12

Через час Майкл Шейн и Тимоти Рурк сидели рядом на диване в квартире у Люси Гамильтон, все еще ожидая звонка от Джима Клиффорда из Нью-Йорка. Люси подала им напитки, а сама, подогрев что-то в духовке, сидела теперь напротив них в глубоком кресле, подобрав под себя ноги. Она задумчиво спросила:

— Так ты говоришь, Майкл, что вы еще не совсем уверены, что женщина в багажнике автомобиля — миссис Гаррис?

Шейн запустил руки в вихрастые, рыжие волосы и сказал:

— Уверены — это слишком неточное слово, Люси. Никакой уверенности не может быть. Практически невозможно опознать женщину без лица. Конечно, все указывает на то, что тело принадлежит миссис Гаррис. Но вот что меня смущает. Когда бы я не увидел изуродованный труп, найденный при обстоятельствах, внешне указывающих на то, что это именно то лицо, — я всегда спрашиваю себя, не было ли это так задумано специально?

— Не делай таких быстрых выводов, Майк, — предупредил его Рурк. — Машина прошла всего сорок две мили. А мы знаем, что миссис Гаррис каталась до того, как подцепила в баре Джина Блейка. За машиной, должно быть, хорошо присматривали с позднего вечера понедельника. Согласно заключению медицинского эксперта, ее положили в багажник спустя несколько часов после смерти... до того как началось трупное окоченение. Смерть наступила самое позднее во вторник ночью. С того времени Эллен и исчезла. Кто же еще это может быть?

Шейн рывкнул:

— Я все это знаю. Но почему же ее голова бессмысленно превращена в месиво? И мне это все-таки не нравится, — решительно добавил он.

— Ну, а отпечатки ее пальцев о чем-нибудь говорят? — живо спросила Люси.

— Пэйнтер это определит, — заключил Шейн. — Он очень скрупулезен во всем, что касается рутинных полицейских процедур, и никогда не делает быстрых выводов. Он успел задать Гаррису вопрос, не зарегистрированы ли отпечатки ее пальцев, прежде, чем мы доставили беднягу в гостиницу и привели к нему доктора. И хотя Гаррис упорно настаивал на том, что отпечатков пальцев его жены нет нигде. Пэйнтер довольно быстро узнал адрес его квартиры в Нью-Йорке. Если я знаю Пита так хорошо, как мне кажется, он обязательно поручит снять отпечатки ее пальцев в нью-йоркской квартире для сравнения с отпечатками мертвой женщины. Вот когда мы сможем быть уверенными. Но до тех пор я не перестану удивляться, почему ее изуродовали до неузнаваемости. — Он выпил рюмку коньяка до дна. Люси вскочила, чтобы вновь ее наполнить.

— Все-таки, — сказала она задумчиво, — сегодня утром в конторе, размышляя о бедняге мистере Гаррисе, я подумала, что этот вариант для него легче, чем если бы это была другая. Ты понимаешь, что я имею в виду, Майк... то есть, если Пэйнтер был прав и она спала несколько ночей в другом месте.

Шейн кивнул головой и согласился:

— Никогда не знаешь, что хуже в таком деле. В то же время теперь, когда она мертва, вся эта пошлая история выплескивается наружу. Судя по всему, она была сексапильной дамочкой легкого поведения, готовой уйти с первым мужчиной, который на нее посмотрит. И с этим представлением о ней Герберт Гаррис должен жить до конца своих дней.

Зазвонил телефон. Люси подбежала, сняла трубку и ответила:

— Мистер Шейн здесь и ждет вашего звонка, мистер Клиффорд. — Она протянула трубку своему шефу.

— Привет, Джим.

— Майк, извини за задержку. Ты понимаешь, сегодня суббота и очень трудно поймать кого-нибудь.

— Что ты выяснил?

— Результат отрицательный, Майк, ничего такого, что, как я понял, ты надеялся узнать об Эллен Гаррис. Все сведения, которые я собрал о ней, указывают на то, что она была очень красивой куколкой, но очень и очень строгой. Я связался с парочкой манекенщиц, с которыми она

работала до замужества, и они поклялись, что у нее никогда не было любовных интрижек. Похоже, она крепко влюбилась в него, и он для нее был одним—единственным. Та же самая информация от всех, кто знал ее после замужества. Женщина—однолюбка, счастлива и довольна тем, что имеет. Они не вели светский образ жизни. Но в очень маленьком кругу друзей их считали очень и очень счастливыми супругами. Я понимаю тебя, это не совсем то, что ты хотел, но то, что я сегодня добросовестным образом добыл своими ногами — все твое. А что, леди все еще считается пропавшей?

Шейн сказал:

— Нет. Примерно час назад мы нашли ее, Джим. Мертвой.

Джим Клиффорд очень задумчиво изрек:

— О!?

— Поэтому тебе еще немножко придется побегать, Джим. Не знаю, насколько удачно это получится в воскресенье. Но в этот раз сосредоточься на Герберте Гаррисе. Его жена прилетела сюда на самолете в понедельник, после обеда, и, вероятно, была убита той же ночью. Разузнайка, где он был ночью в понедельник. Поройся в его частной жизни.

— Ах, вот как?

Шейн резко сказал:

— Это всегда так, когда убивают замужнюю женщину. Тому подлецу, который это сделал, между прочим, не достаточно было просто прикончить ее. В безумном бешенстве он превратил ее прекрасное лицо в чудовищное месиво. По моим расчетам, надо еще покопаться возле дома.

— Ну, я попробую раскопать все, что смогу Майк, — ответил Клиффорд.

— У тебя есть номер телефона моей квартиры или Люси, — сказал ему Шейн. — Кто-нибудь да будет завтра дома.

— Да. Передай Люси мой горячий привет. — Клиффорд щелкнул языком. — Что она там готовит сегодня на обед?

Шейн, нахмурившись, сказал в трубку:

— Ты что, голоден?

Джин Клиффорд опять щелкнул языком:

— Я чувствую, какой аромат идет из трубки. Бифштекс, а? Ты помнишь, как она приготовила его для нас? Должно быть, лет пять назад, а я до сих пор помню вкус того чесночного соуса. Скажи ей об этом, Майк. Пока. — И он повесил трубку.

Шейн, покачивая головой, повернулся к Люси.

— Ты говорила, что в духовке что—то разогревается на обед, Люси? Что это?

— Несколько оставшихся свиных котлет, я собираюсь приготовить к ним чесночный соус... над чем это ты смеешься?

Шейн ничего не сказал ей, а Рурка попросил:

— Ты должен написать свой рассказ, как есть, Тим. Клиффорд не раскопал ни одного факта любовных походов Эллиен до и после замужества.

— И теперь, — продолжала с негодованием Люси, — ты заставляешь копать в частной жизни мистера Гарриса. Иногда, Майк, я удивляюсь, зачем я связалась с тобой.

Он хихикнул, вернулся к дивану и своему напитку.

— Судя по аромату, исходящему из духовки, ты бы лучше начала готовить чесночный соус. Найди меня утром, Тим, — попросил он репортера, который, закончив свой коктейль, собирался уходить.

Рурк пообещал и, поблагодарив Люси за напиток, ушел.

ГЛАВА 13

В тот вечер Майкл Шейн больше не беспокоился о возвращении на побережье. Он знал, что раз уж нашли мертвую женщину, сыщики Пэйнтера налетят, как пчелиный рой, на «Грэй Галл», проверят каждую деталь рассказа Блейка и попытаются добыть сведения о человеке, которого, по словам Блейка, видели с ней в тот вечер.

Он засиделся у Люси допоздна.

В воскресенье утром проснулся поздно, сварил себе кофе и вытащил газеты из почтового ящика. В них содержались краткие сведения о теле, обнаруженном в припаркованной л машине, и несколько деталей, о которых Шейн еще не знал. Рядом с телом не была найдена сумочка, на всей машине отсутствовали какие-либо отпечатки пальцев. Цитировались слова мистера Гарриса о том, что на руке женщины не было большого обручального кольца с бриллиантами, что она, вылетев из Нью-Йорка, имела триста долларов наличными и кредитную карточку. Упоминалось, но не подчеркивалось отсутствие уверенности в идентификации. Высказывалось мнение Пэйнтера о том, что убийство совершено с целью ограбления, однако был проигнорирован тот факт, что грабитель до неузнаваемости изуродовал лицо своей жертвы. Очень осторожно сообщалось, что видели, как женщина покинула отель в понедельник вечером, в компании неизвестного мужчины. Но не были упомянуты ни имя Джина Блейка, ни «Грэй Галл». В конце статьи указывалось, что Майкл Шейн, хорошо известный частный детектив из Майами, нанятый несчастным мужем, чтобы распутать это дело, работает в тесном контакте с полицией Майами-Бич.

Шейн задумчиво отложил газету в сторону, пошел на кухню, чтобы налить себе еще чашку. Он добавил в кофе немного коньяка и опять с комфортом устроился в гостиной.

Зазвонил телефон. Кто-то, явно нервничая, спросил, не он ли тот самый Майкл Шейн? Он подтвердил. На другом конце провода после паузы поспешно произнесли:

— В утренней газете говорится, что вы работаете над этим делом по убийству. Это так?

— Да, — сказал Шейн.

— Тогда я должен вас видеть немедленно. Я... хочу сообщить вам нечто важное. Можно мне прийти к вам?

Шейн дал ему адрес и номер квартиры. Он задумчиво положил трубку, выпил свой королевский кофе, принял душ, побрился и почти закончил одеваться, когда раздался стук в дверь.

Шейн впустил в квартиру взволнованного, испуганного человека средних лет, одетого в темный строгий костюм. Мужчина был довольно грузным, с чисто выбритым невыразительным лицом.

Он сказал:

— Мистер Шейн, извините за то, что беспокою вас дома, но... мне необходимо с вами поговорить. Мне отчаянно нужен ваш совет. — Он нервно мямл в руках мягкую фетровую шляпу.

Шейн пригласил:

— Входите, садитесь. Чашечку кофе?

— Нет, я... я уже выпил кофе. Меня зовут Джон Й. Бенджамин из Детройта. Я отдыхаю в Майами... со своей женой. Я... — он упал в кресло, нервно проглотил слюну, затем поднял обеспокоенные карие глаза на Шейна и признался: — У меня есть сведения о миссис Гаррис, которые, я думаю, должен дать полиции. Еще со вчерашнего вечера, когда увидел ее портрет в газете, я знал, что должен пойти, но я все надеялся...

Он остановился и тряхнул головой.

— Но когда я прочитал сегодня утром о том, что ее убили, вероятно, ночью с понедельника на вторник, я понял, что не должен больше молчать. Я вам хорошо заплачу, мистер Шейн, очень хорошо, если вы сделаете так, что не будет упомянуто мое имя при передаче этих сведений полиции.

— Я ничего не могу обещать, пока я не узнаю, о чем идет речь.

— Конечно, нет. Я не ожидал... Я видел ее в понедельник вечером, мистер Шейн. В «Грэй Галл». Это — казино на побережье. Я не азартный игрок, но... в отпуске, как теперь... и жена моя приболела в тот вечер. Я обычно не завязываю знакомств с женщинами, — добавил он с застенчивой улыбкой, — но я был там один, а она была чрезвычайно привлекательна. Мы играли в рулетку за одним столом... ставя по маленькой... она заговорила первой. Если бы это была другого сорта женщина, я бы подумал, что она заигрывает, но она выглядела как изысканная леди, и в непринужденной атмосфере игорного дома... — Он прервал свой рассказ и с тревогой посмотрел на детектива: понимает ли он его, как мужчина мужчину.

Шейн с легкой улыбкой подтвердил:

— Я знаю, как это происходит, рассказывайте дальше.

— Ну, мы разговорились, она сказала мне, что ее зовут миссис Гаррис, она из Нью-Йорка... Я заметил у нее обручальное кольцо с бриллиантами, в точности описанное в газете... Она как-то печально, по-моему, но мужественно сообщила, что это была идея ее мужа — отправить ее сюда одну поразвлечься, и, ей-богу, она теперь решилась воспользоваться этой возможностью. Ну, я не утерпел и сказал, что, если бы я был женат на такой красавице, я бы держал ее дома взаперти... Не то, чтобы миссис Бенджамин была некрасива, — он прервал рассказ, объясняя, — но можно сказать — совсем другой тип. Так или иначе, она призналась, что в тот вечер встретила одного человека в коктейль-баре отеля. Он показался ей джентльменом, который предложил проводить ее в «Грэй Галл», но она поняла, что это была ошибка. Ей это стало ясно, когда он начал вести себя довольно прямолинейно, так... ну, понимаете, что вроде, если она позволила ему подобрать себя в баре, так он имеет на что-то право. И она очень деликатно меня попросила, не помог бы я ей избавиться от него. Я ответил, что с удовольствием ей помогу. И когда в следующий раз он подошел к столу поговорить с ней, она едва взглянула на него и наклонилась ко мне, что-то нашептывая. Все это выглядело довольно интимно. Я думаю, он сообразил. Чуть позже мы увидели, как он уходит с другой женщиной. Она захихикала и сказала, что он теперь не пропадет, что ей надоела рулетка, и не пойти ли нам куда-нибудь еще?

— Как выглядел тот человек? — спросил Шейн, когда Бенджамин прервал свое повествование.

— Самоуверенный молодой человек, который обычно не упустит случая, чтобы обмануть женщину. В нем сразу виден жиголо — это старомодное слово. Мне кажется, что на жизнь он зарабатывает, охотясь за одинокими женщинами, которые и всего-то хотят слегка пофлиртовать. Он был высокий, загорелый, кажется, с каштановыми волосами.

Шейн кивнул:

— Вы сразу же ушли с миссис Гаррис?

— Очень скоро после этого. Мы обменяли жетоны на деньги... у нее оставалось около сорока долларов из пятидесяти, с которыми она начинала, как она сказала. И это было немного лучше, чем у меня, так как я просадил тридцать два доллара. Не то, чтобы я очень переживал, — торопливо добавил он, — я мог себе это позволить. Вот... она сказала, что у нее есть своя машина, а у меня не было с собой машины. Мы сошли вниз. Был подан бежевый «пантиак» с открытым верхом. Она попросила служителя поднять верх, так как становилось немного прохладно, и мы поехали.

Так как она не знала побережья, я предложил перекусить в небольшом отеле «Мирабель», возле моего отеля, где имелся небольшой, спокойный обеденный зал и до полуночи подавали изумительно вкусную еду.

Он нервно взглянул на Шейна, тот кивнул:

— Я обедал там. Великолепное мясо под соусом.

— Да, так вот. Я не пытаюсь полностью себя оправдать, мистер Шейн. Я хочу быть предельно честным, и, вероятно, в том, что случилось, немалая доля моей вины. Но она была так дружелюбна, и мне показалось, что я ей очень понравился... А я еще за легким ужином проглотил несколько рюмок... И я сидел очень близко от нее, когда она вела машину. Я положил ей руку на плечо, она совершенно очаровательно рассмеялась и поощрила меня, повернув ко мне смеющееся лицо и потрепав разок по щеке, когда мы остановились у светофора. Она очень мило сказала, что я совсем не похож на того мужчину и что со мной она чувствует себя в полной безопасности. Все так и было, я вас уверяю, мистер Шейн, — честно добавил он. — И у меня

действительно в мыслях ничего другого не было, кроме как пообедать в приятном обществе. Но она... может быть, она неверно истолковала мои действия. Я до сих пор не могу понять... Все закончилось абсолютным шоком и необъяснимо, — он остановился, в недоумении покачивая головой.

— Что закончилось? — спросил Шейн.

— Мы въехали под навес отеля «Мирабель». Подошли швейцар и служащий стоянки, чтобы отвести машину. Я вышел. Служащий начал открывать дверь с ее стороны. Он только прикоснулся к ручке, как миссис Гаррис рванула с места, оставив меня стоять совершенно ошарашенным. Там был разворот, которым пользуются таксисты, она там развернулась и исчезла. Я выглядел глупейшим образом, конечно, перед швейцаром и служащим. Я постарался выйти из этого положения наилучшим образом. Я выдавил горькую улыбку и сказал: «Эти женщины!» Швейцар мне посочувствовал и спросил, не хочу ли я войти в отель, или, может быть, вызвать такси. Я сказал ему, что я, пожалуй, вернусь в свой отель... который в трех кварталах отсюда... И я ушел.

— И это все? — требовательно спросил Шейн, — больше вы миссис Гаррис не видели?

— И это все, — сказал детройтец твердо, — она просто исчезла в ту ночь. Естественно, я ничего не рассказал моей жене о том, что случилось. Но когда вечером в газете я увидел снимок миссис Гаррис и узнал, что она пропала, я, в конце концов, понял, что должен рассказать властям все, что знаю.

Шейн медленно кивнул:

— Да, им нужно рассказать.

Он сел, некоторое время раздумывая над рассказом Бенджамин. Здесь опять повторилась совершенно необъяснимая манера поведения. Какой скрытый импульс заставил Эллен действовать именно так?

Она явно принимала ухаживания мужчин, которые попадались ей на пути, и затем, как только события начинали развиваться, она выскальзывала. Она как будто сама напрашивалась на то, чтобы ее прекрасное лицо было превращено в месиво каким-нибудь сексуальным маньяком.

Шейн тряхнул головой и переключил свои мысли на проблему, которую подбросил ему мистер Бенджамин. В данный момент он глубоко сочувствовал этому человеку. Если его история была правдива... а он чувствовал, что это так... Ясно, что он — без вины виноват. И за один маленький шаг в сторону, вероятно, будет пригвожден к позорному столбу.

— Мне обязательно идти в полицию и все им рассказать, мистер Шейн? — несчастным голосом спросил Бенджамин, — Это будет настоящая пытка. У меня никогда не было дел с полицией.

Шейн ответил:

— Для вас будет лучше пойти туда самому, чем быть приведенным. Понимаете, они получили описание вашей внешности в «Грэй Галл» прошлой ночью, и теперь вы самый главный из тех, за кем охотятся в Майами.

— О, господи, — его лицо посерело, — вы имеете в виду, что меня арестуют и посадят в тюрьму?

— По крайней мере, до тех пор, пока ваш рассказ не будет тщательно проверен, — Шейн, пощипывая мочку левого уха, раздумывал вслух. — Если бы я был твердо убежден, что вы говорите правду, мне необязательно было бы знать вашу фамилию при расследовании убийства, так как это мало поможет делу. Если мы докажем, что она была в ту ночь возле отеля «Мирабель», если полиция будет убеждена, что она именно тогда оставила своего спутника из казино «Грэй Галл», они потеряют к вам всякий интерес.

— Вы смогли бы это сделать? Я не устану повторять, как бы я был вам благодарен за это.

— Вы думаете, швейцар отеля «Мирабель» запомнил этот инцидент?

— Я уверен, что запомнил, мистер Шейн. И служащий стоянки тоже. Это настолько очевидно: она просто избавилась от меня, и я ошеломлен от удивления. Они были слишком воспитаны, чтобы посмеяться надо мной в открытую, но совершенно уверен, что похихикали по этому поводу, как только я ушел.

Шейн покачал головой и пробормотал:

— Так... Думаю, надо с Манделем поговорить. — Он посмотрел в справочнике номер телефона отеля «Мирабель», набрал его и попросил Пита Манделя. Через секунду голос сказал:

— Мандель слушает.

— Майкл Шейн, Пит. Как у тебя дела?

— Тихо, Майкл. Никаких ярких блондинок, убивающих себя на нашей стоянке. — Это звучало очень самодовольно.

— Да, я тебя поздравляю. Подскажи—ка мне, быстренько, имена швейцара и служащего на стоянке машин у отеля, которые дежурили вечером прошлого понедельника и, если можно, как их найти.

— Минутку. Подождешь у телефона?

Шейн сказал:

— Обязательно, — закурил, ожидая ответа.

Голос Манделя зазвучал тревожно, когда он вновь заговорил в трубку:

— Том Торстон ставил машины. Он сейчас работает. В дверях был Нед Браун. Я могу дать его домашний адрес. Послушай, Майкл, «понедельник вечером»? Это имеет какое—то отношение к убитой блондинке, а?

Шейн ухмыльнулся и радостно произнес:

— Я очень сожалею, но имеет, Пит. — Затем он смягчился и заверил его: — Но это никоим образом не связано с вашим отелем, я думаю. Я скоро навещу Торстона. Если выяснится что—нибудь, имеющее отношение к отелю, я тебя предупрежу до появления полиции.

— Спасибо, Майкл.

Шейн повесил трубку и живо сказал Бенджамину:

— Если хотите, я отвезу вас на побережье и оставлю в вашей гостинице. Если все подтвердится, то я не вижу причин, почему все должны знать, что вы впутаны в это дело.

— Это просто великолепно. Если бы вы знали, в каком я состоянии с того момента, когда вечером увидел снимок в газете. Как приговоренный к смертной казни, мистер Шейн. А вы отменяете приговор.

— Не будьте таким самоуверенным, — предупредил его Шейн, выходя с ним из квартиры. — Если я не получу подтверждения ваших слов, вам придется идти с повинной и держать ответ.

— Я понимаю, — за последние минуты мистер Бенджамин вновь приобрел чувство собственного достоинства.

— Я заслуживаю всего того, что со мной произойдет.

Через полчаса Шейн, высаживая его перед отелем, сказал:

— Сидите тихо и не волнуйтесь. Я позвоню вам в любом случае, как только выясню результаты. — Он развернулся и проехал несколько кварталов к отелю «Мирабель», где имелся навес — от двери до места остановки машин.

Бенджамин верно описал прямой проезд на стоянку машин и боковой проезд, где такси высаживали пассажиров.

Служащий парковки был небольшого роста, проворный, с приятной улыбкой. Рисуясь, он подошел и открыл дверцу машины Шейна, рыжеволосый вышел и спросил:

— Вас зовут Том Торстон?

— Так точно, сэр. — Человек ждал. Шейн сказал:

— У меня к вам пара вопросов. Прежде всего, можете ли вы вспомнить, видели ли когда—нибудь эту женщину? — Он вытащил из кармана карточку Эллен.

Торстон внимательно ее изучил, глубоко вздохнул и сказал:

— Ну вот, этот вопрос волновал меня со вчерашнего вечера. Я был не совсем уверен и собирался поговорить с Недом Брауном. Он был на дверях в тот вечер.

— Какой вечер?

— Это случилось в понедельник. Я знаю, поэтому что это был последний вечер, когда мы с Недом работали в одной смене.

— Что случилось?

— Это было очень смешно, сэр. Около десяти подъехала машина бежевого цвета... сейчас точно не скажу, был ли это «понтиак» или нет. Леди вела машину, рядом сидел мужчина. Нед тут же подскочил, чтобы открыть дверцу с его стороны, мужчина вышел. В этот момент я протянул руку, чтобы открыть дверцу для дамы. И ж-жиг! Будь я проклят, если она не нажала на газ и, развернувшись на двух колесах, через боковой проезд исчезла, оставив этого бедняжку стоять на

тротуаре. Он смотрел ей вслед с невообразимо смешным видом, такого я еще никогда не видел, — он поперхнулся от смеха, вспоминая сцену. — Мы с Недом пытались, как могли, сдержаться, чтобы не расхохотаться, и спросили мужчину, не надо ли ему заказать такси, но он сказал, что не надо, так как его отель находится в нескольких кварталах отсюда.

— За рулем была эта женщина?

— Я не мог бы поклясться. Я ведь только раз успел взглянуть на нее за рулем, прежде чем она сорвалась, как летучая мышь из подземелья, чуть руку мне не оторвав. Но со вчерашнего вечера, когда вышла газета, я стал плохо себя чувствовать. Я все-таки думаю, что это была она. Может быть, Нед лучше успел ее разглядеть.

— Вы можете описать мужчину?

— Попытаюсь. В нем не было ничего особенного. — Торстон колебался, вспоминая, затем дал неопределенное описание, которое подходило как к Бенджамину, так и к сотням других мужчин.

Шейн поблагодарил его и сказал:

— Это может оказаться важным. Сюда прибудет полиция, чтобы поговорить с вами. Они захотят встретиться с Брауном. Не пытайтесь ничего приукрашивать. Так же просто расскажите им, как вы рассказали мне.

— Конечно. Скажите, а вы не Майкл Шейн, знаменитый сыщик?

— Я сыщик и меня зовут Майкл Шейн.

— Ну, мой парнишки умрет от радости, когда я ему расскажу. Он смотрит ваши ТВ-шоу каждую пятницу, но тот актер не очень на вас похож.

Шейн ухмыльнулся, забрался в свою машину и направился прямо в главный полицейский участок.

ГЛАВА 14

Имея на руках свежее дело об убийстве, Пэйнтер, несмотря на воскресное утро, был у себя в кабинете. Шейна никто не держал долго в приемной, но Пэйнтер встретил его довольно прохладно.

— Что на этот раз, Шейн? Шейн пожал плечами и сказал:

— У меня есть кое-какая информация по делу Гарриса, и я хочу ею с тобой поделиться. Мне интересно, какие у тебя успехи... не получил ли ты данные вскрытия.

Пэйнтер сидел за столом очень прямо, скрестив руки на груди. Он был единственным среди знакомых Шейна, умудрявшимся сидеть за столом с таким важным видом.

— Дело Гарриса стало делом об убийстве, Шейн. Убийства — это мои проблемы на Майами-Бич. Когда миссис Гаррис считалась пропавшей без вести, ее муж имел полное право нанять детектива на длинных ногах, чтобы он искал ее. Но я тебя предупреждал, Шейн. Держись подальше от дел по убийству на побережье. Если хочешь иметь информацию, почитай газету. Я отдал приказ всему моему отделению не обсуждать это дело с тобой.

Шейн сказал:

— Я думал, тебе интересно будет потолковать с человеком, которого миссис Гаррис встретила в «Грэй Галл» в понедельник вечером.

— У меня есть на него зарисовка, спасибо, и я убежден, что он и есть убийца. Я ожидаю его ареста с минуты на минуту.

Шейн мягко сказал:

— Вчера ты был также убежден в том, что как только отыщется ее машина, то тут же объявится и она, и ее... любовник... Это, кажется, твои слова. Так вот, мы с Тимом Рурком нашли тебе машину... но любовника нет.

Он развел руками и ухмыльнулся.

— У меня еще много дел, Шейн. Если тебе больше нечего мне сообщить...

— Я тебе сказал, что есть. У меня есть информация, которую я тебе передам, хочешь ты этого или нет.

— Что за информация? — тон Пэйнтера выдавал ярость: — У нас имеется полное описание убийцы и несколько свидетелей, которые смогут опознать его.

Шейн медленно покачал головой:

— У тебя нет ничего, Пит, дружок. Кроме той чепухи, которую ты всегда сообщаем газетам.

— Ну, Шейн, черт тебя побери...

Рыжеволосый оперся о стол руками, наклонился вперед и свирепо посмотрел ему в глаза.

— Если бы я не был таким совестливым и не жалел тебя, черт возьми, я бы тотчас ушел, оставив тебя хлопотать впустую и разыскивать человека, который никакого отношения к убийству не имеет.

— Ну, а теперь ты меня послушай, Шейн.

— Нет, ты меня выслушай до конца. Пошли пару человек в отель «Мирабель» поговорить с Томом Торстоном, служащим автостоянки, и Недом Брауном, швейцаром, о том, что произошло там в понедельник вечером. Я даю тебе это бесплатно, потому что я ненавижу убийц, в особенности с садистскими наклонностями, которые уродуют такую красотку, как Эллиен Гаррис. Теперь я покидаю твою проклятую контору, а когда войду сюда в следующий раз, я приволоку убийцу и сдам его тебе тепленьким.

Он повернулся на каблуках и, широко шагая, вышел из кабинета. Его щеки пылали от гнева. Но, садясь в машину, он уже в душе смеялся над собой. Когда же, наконец, он будет держать себя в руках и не давать Пэйнтеру повода прицепиться? Эта их междоусобица тянулась годами и всегда заканчивалась так же.

Он остановился у первого же телефона-автомата и позвонил Бенджамину в отель.

— Майкл Шейн, Бенджамин. Расслабьтесь. Все находится под контролем. На вашем месте я бы не появлялся вблизи отеля «Мирабель». Думаю, больше вам не о чем волноваться.

— Я... понимаю... Я... а-а...

Шейн расслышал скрипучий женский голос, спрашивающий, кто звонит.

Шейн быстро продолжал:

— Как долго вы еще будете здесь?

— Мы собираемся побыть еще недельку.

— Хорошо. Не уезжайте, не поставив меня в известность, и оставьте мне ваш домашний адрес.

Мне кажется маловероятным, что появится еще что-нибудь, но я должен быть уверен.

— Конечно, я понимаю. Насчет оплаты...

Шейн сказал:

— Забудьте об этом. Видели бы вы физиономию шефа полиции, когда я ткнул его носом в эту историю.

Повесив трубку, он почувствовал облегчение. Мистер Бенджамин вернется в Детройт, получив очень хороший урок, и останется на долгие годы верным супругом.

ГЛАВА 15

Майкл Шейн был один в квартире, когда, запыхавшись, ввалился Тимоти Рурк с пухлой газетой в руках. Репортер бросил газету на стол перед Шейном и драматически воскликнул:

— Почитай—ка все от начала до конца. Последние новости по делу об убийстве миссис Гаррис. Цитирую: «Майкл Шейн, частный детектив, которого мистер Гаррис нанял, чтобы разыскать пропавшую жену, внезапно отстранился от дела, после того, как тело миссис Гаррис было найдено в багажнике взятой ею напрокат машины. Мы цитируем шефа Пэйнтера в интервью, данном им только для нашей газеты: «... убийство — дело, которое находится в компетенции назначенных и подчиняющихся закону должностных лиц. За прошедшие двадцать лет, что я возглавляю сыскное бюро на Майами—Бич, не припомню ни одного случая, когда криминальное дело было раскрыто с помощью привлеченных со стороны лиц. Наши собственные возможности позволяют оперативно справиться с подобными делами. А любого гражданина, который тратит деньги на широко разрекламированную «помощь со стороны», предупреждаем, что с таким же успехом он может бросить их на ветер». Как тебе это нравится, Майкл?

Он подошел к шкафчику с напитками у стены и достал бутылку бурбона. Шейн ухмыльнулся и сказал:

— Я был удостоен чести слышать это из уст самого Пита сегодня утром. Что еще там есть у тебя, Тим?

— Кое—что есть.

Рурк вновь появился в гостиной, держа за горлышко бутылку виски, а в другой руке — высокий стакан с кубиками льда.

— Например, ты знаешь, Пит установил тот факт, что миссис Эллен Гаррис рванула от своего второго кавалера вечером, в десять часов, перед отелем «Мирабель»? Все ее следы после этого таинственно теряются.

— Каким образом он установил такой факт? — с любопытством спросил Шейн.

— Ты же знаешь Пита. Рутинная полицейская работа, как он утверждает. Не хочешь ли послушать историю, рассказанную швейцаром и служащим стоянки отеля «Мирабель»?

Шейн с легким раздражением отмахнулся от своего старого друга.

— Не интересно. Я слышал ее еще до Пита.

Шейн посмотрел на газету и сделал гримасу.

— Не заставляй меня читать твою писанину. Прежде всего: установил ли он личность мертвой женщины?

Рурк кивнул.

— У него так же, как и у тебя, возникли подозрения, когда он увидел, что лицо ее разбито до неузнаваемости. Он отправил отпечатки ее пальцев в Нью-Йорк. Когда пришли на квартиру Гарриса, то, без сомнения, определили, что убитая была миссис Гаррис.

Выслушав эту информацию, Шейн нахмурился и запустил руку в рыжие волосы.

— Он тебя ознакомил с протоколом вскрытия?

— Прессу — да. Вот, — он указал на газету на столе, — наиболее очевидные факты. Смерть наступила от пули, пробившей сердце. Пистолет 32-го калибра. Пуля вошла в тело, не задев платья, надетого на женщину. Но платье с довольно низким вырезом, и убийца мог оттянуть его пониже, чтобы освободить место для выстрела. Но, слушай, Майкл, все раны на лице появились после того, как она была застрелена. Сначала ее убили, потом изуродовали. Так. Что еще... — Рурк растянулся в кресле со стаканом в руке, уставившись в потолок. — Медицинский эксперт не совсем уверен во времени наступления смерти. Он относит его или к понедельнику, или ко вторнику. В багажнике не обнаружено никаких следов крови под трупом, значит ее засунули туда уже мертвую. Он полагает, что, когда ее поместили в багажник, прошло от двух до четырех часов после убийства. Кроме того, установлено, что за два часа до смерти она съела салат с креветками и влила в себя достаточное количество алкоголя.

Рурк счастливо улыбнулся рыжеволосому.

Шейн, нахмурившись, заметил:

— Две вещи, Тим, кажется мне, противоречат друг другу — если ее лицо изуродовано после смерти, то это явная попытка навязать идентификацию. Фальшивую, может быть? Есть ли официальное доказательство, что опечатки пальцев принадлежат Эллен Гаррис?

— Если можно верить нью-йоркскому отделению полиции. Их рапорт не оставляет сомнений. Имеются также и другие соображения в пользу идентичности. Я только не знаю, как ты сможешь удостовериться, Майк.

— Думаю, что не смогу. Но все-таки не выходит у меня из головы, что ее лицо было изуродовано после смерти. Эго ведь что-то значит, Тим.

— Естественно. Если я что-нибудь смыслю в людях, это какой-то придурок... мужского... или даже женского пола сделал, который ненавидел ее за то, что она была так красива.

— Точно. Что, вероятно, приведет нас ближе к нью-йоркскому дому, чем к незнакомцу, которого она подхватила в понедельник вечером. — Он посмотрел на часы и пробормотал:

— Надеюсь, что Джим Клиффорд позвонит из Нью-Йорка.

— Ты продолжаешь оплачивать междугородние разговоры? — невинно спросил Рурк. — Пэйнтер говорит, что ты устранился от дела.

— Проклятье! Ты же прекрасно знаешь, что я не устранился, Тим. Посмотри, что у нас есть: ты дал мне протокол вскрытия. Я надеюсь, что Пэйнтер проверил рассказ мужа о его поездке сюда.

— Естественно. Если жена убита, проверяй мужа. Стандартная полицейская методика. В воскресенье тот проверил все, что мог. Гаррис остановился в отеле Чарльстона в пятницу утром, провел переговоры со своим клиентом. Он выбыл из отеля поздно вечером и упомянул, что собирается всю ночь вести машину в Майами.

Шейн кивнул головой и кисло сказал:

— Он был бы последним дураком, если бы попытался это сфабриковать. И мистер Герберт Гаррис может быть кем угодно, но не думаю, что он дурак.

— Ты его подозреваешь?

— Не знаю, Тим. Очень много зависит от того, что раскопает Джим Клиффорд.

И, словно в ответ на его призыв, зазвонил телефон. Он поднял трубку и сказал:

— Шейн, — затем: — Отлично, Джим, я ждал этого. Он удобно уселся, чтобы слушать и делать записи. Клиффорд говорил:

— Я оказался очень трудолюбивым мальчиком. Ты это увидишь по расходному счету, который я высылаю. Начнем с того, что если это дело произошло в Майами в прошлый понедельник или вторник, как ты говоришь, то муженек чист. Я точно установил, что Гаррис при всем желании не смог бы появиться в Майами ни в понедельник ни во вторник.

Шейн нахмурился и сказал:

— Продолжай.

— Хуже то, что, заплатив, я раскопал больше грязи о нем, чем о его жене. Она остается совершенно чистой, насколько я мог установить. Но есть несколько превосходных пунктов. Когда они поженились, они застраховались и получили совместный страховой полис на сто тысяч долларов. По некоторым намекам я понял, что жили они только на доходы мужа. Сегодня воскресенье, посему это все — частные разговоры. Но по единодушному мнению их друзей, в финансовом отношении им не на что больше опереться. Я смогу проверить его кредитоспособность и покопаться в его конторе завтра, если ты хочешь получить еще что-нибудь об этом.

— Пока что больше ничего нет?

— Есть кое-что еще. Это все — опять-таки слухи и намеки, но, кажется, здесь замешана другая женщина. Его личная секретарша по имени Рут Коллинз. Говорят, она тоже блондинка, как его жена, и может быть, не так хорошо сложена, но тоже красотка. Отправилась в прошлый понедельник на две недели на курорт, куда-то в Кэтскилз. Опять-таки я только завтра смогу как следует все разузнать, если ты хочешь, чтобы я этим занялся.

— Да, Джим, обязательно. Потрать на это по меньшей мере еще день и позвони мне в контору, когда будешь готов. В особенности поработай над вариантом с секретаршей, Джим. Прокатись до Кэтскилза полюбоваться ею.

— Конечно, я могу это сделать сегодня вечером. А у тебя там ничего нового нет, Майкл?

— В данный момент есть: ее сначала убили и только после этого так зверски изуродовали. Либо кому-то очень не нравилось, как она выглядела, либо кто-то хотел отсрочить идентификацию.

Клиффорд быстро ответил:

— Понятно. Я завтра над этим поработаю и позвоню тебе. Ты дома будешь поздно вечером? Я позвоню, если вдруг нападу на что-то горячее в Кэтскилзе.

Шейн сказал коротко:

— Я буду дома, — и повесил трубку. Он нахмурился, раздумывая, наполнил рюмку.

— Вышел на что-нибудь? — спросил Рурк с интересом.

— Боюсь, что везде тупик.

Шейн рассказал ему о страховом полисе на сто тысяч долларов, которые получают жена или муж в случае смерти одного из них, и что, возможно, Гаррисы находились в очень стесненном финансовом положении.

— И, может быть, у него интрижка с секретаршей в конторе, — добавил Шейн раздраженно. — Черт возьми, никогда никому нельзя верить. Я мог поклясться, что он был искренним, когда говорил у меня в кабинете о своей жене. У него хватило наглости спросить меня, был ли я когда-нибудь влюблен или женат.

Рурк цинично произнес:

— Выходит, это он сам...

— Не выходит! — скрипнул зубами Шейн. — Этот подонок вне подозрений! Джим Клиффорд совершенно определенно говорит, что Гаррис никак не мог быть в Майами ни в понедельник, ни во вторник ночью. Ты сам говоришь, медэксперт определил, что смерть наступила не позже, чем во вторник?

— Определено, что не позже, чем во вторник ночью... но он больше склонен к понедельнику. Может, Клиффорд здесь промахнулся, — с надеждой добавил Рурк. — Если Гаррис действительно запланировал такое дело, когда она улетела из Нью-Йорка, то он приложил все усилия, чтобы заранее устроить себе алиби.

Шейн признался:

— Каждый может ошибиться, даже Джим Клиффорд. Но он чертовски осторожный человек. И он убежден в алиби Гарриса на те две ночи, а я верю его слову — до тех пор, пока что-нибудь еще не обнаружится.

— Конечно, — сказал Рурк, — если это не тот нередкий случай, когда муж нанимает кого-нибудь, чтобы избавиться от жены и забраться в постель с другой куколкой.

— Такие мужья — твердые орешки, — вздохнул Шейн. — Но меня обнадеживает то, что при огромном штате полиции, которая работает над всеми вариантами донесений, они обязательно доберутся до страхового полиса и тщательно все расследуют. У них есть деньги и возможности прочесать Гарриса в Нью-Йорке частым гребнем. Ты, между прочим, с ним разговаривал?

Рурк кивнул в ответ:

— Сразу после обеда в «Бич-Хэвен». Он только что получил протокол вскрытия. И ему стали намекать на ее поведение в понедельник вечером. Как и ты, Майк, я бы поклялся, что парень был так трогательно влюблен в свою жену, так обожал ее и вдруг теперь соглашается даже с тем, что она могла положить глаз на другого мужчину. Похоже, он крутил с секретаршей уже долгое время.

— С уверенностью мы пока говорить об этом не можем, Тим.

Зазвонил телефон. Он ответил:

— Шейн, — и затем, удивленным голосом. — Джим?

— Да, — сказал Клиффорд. — Я подумал, что лучше сразу я тебе сообщу. Начинает проясняться... Мы действительно что-то ухватили за хвост.

— Что?

— А эта Рут Коллинз, которую я упомянул. Я позвонил в отель Кэтскилза узнать, не мог бы я повидать ее сегодня вечером. И... придержи свою шляпу, Майк. Красотки там нет.

— Где она?

— Один бог знает. Они говорят, что она действительно зарезервировала себе номер месяца назад, начиная с понедельника после обеда, на две недели. Но в предыдущую пятницу позвонила

из Нью-Йорка и сказала, что ее планы изменились и она аннулирует свой заказ. Вот все, что они знают.

— Проклятье. Но ты проверил, что она все-таки отбыла на отдых в понедельник?

— Я разговаривал с ее соседкой по комнате, тут же после обеда, Майк. Они вдвоем снимают квартиру в Вест-сайд. Она сказала мне, что Рут отправилась в Кэтскилз в понедельник. Я попытался ей только что перезвонить, но ее уже нет дома.

Шейн мрачно сказал:

— Займись ею, Джим, разыщи ее. И выясни, почему она аннулировала заказ, ничего не сказав своей соседке.

— Завтра я побольше запишу в счет, — пообещал Клиффорд радостно и повесил трубку.

Глаза Тимоти Рурка заблестели от возбуждения, когда Шейн поведал ему о ходе событий.

— Что из этого рассказа я могу пустить в печать завтра?

— Ни одного слова, пока ты со мной не согласишься до сдачи в типографию.

— Начинает что-то вырисовываться, — счастливо сказал Рурк.

— Но не так, как я себе представлял.

— Ну, а теперь нам обоим необходимо выпить еще... тогда, может, все это приобретет какой-то смысл. — Рурк радостно потянулся за бутылкой «Бурбона»

ГЛАВА 16

Когда на следующий день Майкл Шейн вернулся в свою контору после ленча, Люси Гамильтон сидела за своим столом и скромно что-то печатала, не поднимая глаз.

Он прошел мимо нее в свой кабинет и остановился, удивленный, при виде большой квадратной картонной коробки, стоящей посередине его стола.

Люси прекратила печатать, встала и молча последовала за ним в кабинет. Шейн, склонившись над столом, разглядывал этикетку на коробке со своим адресом.

Стоя в дверях, Люси сказала:

— Я не расслышала никакого тиканья изнутри, поэтому решила, что все в порядке. Но если вы начнете заказывать ящики с напитками на контору, мистер Шейн, я думаю, вам следует закрыть свой офис и переехать в гостиницу.

— Я не заказывал ящик с напитками, Люси. Как он попал сюда?

— Доставлен через посыльного, — сказала он ему сладким голосом. — Еще несколько месяцев до рождества, но они продвигают сезон вперед, не так ли?

— Я ничего об этом не знаю, — заявил он сердито. Он обошел вокруг стола, остановился и, наклонившись, вытащил маленький квадратный конверт, прилепленный скотчем к боку коробки. Он вскрыл конверт, вытащил карточку и громко прочитал:

— С уважением от мистера и миссис Джон Бенджамин. — Шейн щелкнул языком и добавил про себя: «миссис», конечно, в скобках. Бьюсь об заклад, что для нее это был бы точно такой же сюрприз, как и для меня.

— Кто это Джон Бенджамин?

— Он порядочный джентльмен из Детройта, один раз в свой безупречной жизни совершил безрассудство, заглянув в чарующие глаза другой женщины, которая показалась ему более красивой, чем его законная супруга... вот кто это Джон Бенджамин, — весело сказал ей Шейн. — Давай откроем их подарок. Что ты думаешь, там может быть, если не домашняя наливка?

Сильными пальцами он надорвал сначала верх коробки с угла, и сорвал верх, обнажая аккуратный ряд бутылок, каждая из которых была тщательно завернута в белую тонкую бумагу. Он вытащил одну бутылку, развернул и его насмешливый тон сменился восхищением.

— «Кордон Блю», Люси. Целая дюжина, будь я проклят! Ну и любезный же приятель! Я вдвойне поражен. Как он узнал, что у меня слюнки потекут от такого подарка?

— Он, вероятно, читал, — предположила она. — Бретт Холлидей в нескольких своих книгах упомянул о твоих вкусах по части напитков.

— Да, но я никогда бы не подумал, что Бенджамин способен на такое. Вот уж никогда не знаешь! Давай-ка, попробуем вот эту!

Он начал открывать бутылку, которую держал в руках.

— Майк! Ты только что пришел с ленча, где, я не сомневаюсь, пропустил несколько рюмок.

— Конечно, но не «Кордон Блю», — охотно согласился он. — Знаешь, что? Придется раскошелиться на несколько рюмок для таких напитков. Это кощунство — пить коньяк из бумажных стаканчиков.

— Я очень надеюсь, что ты не совершишь кощунство, Майк, — сказала она, — Завтра утром я отправлюсь купить несколько рюмок.

— Не так уж это кощунственно. — Он заговорщически ухмыльнулся, ставя открытую бутылку и два бумажных стаканчика на стол, и повернулся к сифону с охлажденной водой.

Благоговейно наполнив один из стаканчиков, он поднял его и пробормотал:

— Я благодарю вас, мистер Бенджамин. — Он опустился на вертящееся кресло за своим столом и энергично произнес:

— Вперед, за работу. Люси, соедини меня с Бобом Меррилом из отеля «Бич-Хэвен».

Она ответила:

— Да, мистер Шейн, — и вышла из комнаты.

Шейн скорбно посмотрел ей вслед. Неужели он пьет слишком много в эти дни? На самом деле, наоборот, он пьет мало. Порой хандрит, а порой неделями чувствует себя прекрасно.

На столе зазвонил зуммер, он поднял трубку и услышал голос Люси:

— Мистер Меррил, Майкл.

— Боб?

Шеф безопасности отеля «Бич-Хэвен» осторожным голосом ответил:

— Да, Майкл?

— Ты помнишь, я просил тебя поинтересоваться вашими портье и посыльным? Каковы результаты?

— А я думал, что ты больше не занимаешься делом Гарриса, Майкл.

Шейн прищелкнул языком и отведал еще «Кордон Блю»:

— Пит Пэйнтер думает по этому поводу точно так же. А я — нет. Что-нибудь выяснилось?

— Ничего, — голос Роберта Меррила был холодно-снисходительным. — Они оба чисты, как снег. Нам еще не посчастливилось обнаружить никаких доказательств того, что миссис Гаррис вернулась сюда живой в ту ночь.

Шейн сказал:

— Хорошо, Боб. Спусти пары. Не забывай, что я — Майкл Шейн. — Он прервал связь и с удовольствием допил остаток «Кордон Блю» из бумажного стаканчика.

Тимоти Рурк, запыхавшись, ворвался в кабинет. Он остановился, положил руки в залатанные карманы своего потрепанного пиджака и громко присвистнул.

— Люси сказала, что ты упорствуешь. Она только не упомянула, что у тебя свой собственный способ работы над делом.

Шейн величественно махнул рукой на картонный ящик на столе.

— Небольшая дань уважения от клиента. Кажется, этот парень разбирается в спиртном. Прогдегустируем-ка из этой бутылочки.

— Время поджимает, — жестко сказал ему Рурк. — В прошлый вечер ты попросил меня без твоего согласия не отдавать в печать ничего из того, что ты получил от Клиффорда из Нью-Йорка. Вот я и спрашиваю, можно или нет?

Шейн осторожно налил еще коньяка в оба стаканчика.

— Мой ответ — нет. — Он по-совиному взглянул на Рурка. — Клиффорд еще не позвонил. Ситуация остается без изменений. Но все яснее становится, что к чему. Выпей-ка, Тим.

— Позже, — сказал Рурк, усаживаясь и глядя с обожанием на своего старого друга. — Мне помнится пара случаев в прошлом, когда становилось ясно, что к чему. Майк, ты что-то раскопал в этот раз?

Майк резко махнул рукой.

— Мы близки к успеху, Тимоти. — Он отпил еще коньяка.

На его столе зажужжал зуммер. Он поднял трубку и услышал голос Люси:

— Мистер Клиффорд из Нью-Йорка на проводе.

— Алло, Джим, — сказал он, и Джим ответил:

— Майкл. Я все время работал.

— Итак?

— Во-первых, я разговаривал с соседкой Рут Коллинз. Не могу точно сказать, притворяется ли она, или действительно удивлена тем, что Рут Коллинз нет в отеле в Кэтскилзе. Мне кажется, она догадывалась, что та решила отдохнуть по-другому. Она действительно не знала ничего определенного о связи Рут с ее шефом, но я уверен, что она что-то чувствовала. Одним словом, за что купил, за то и продаю. По-моему, Рут Коллинз и Гаррис планировали провести большую часть двухнедельного отпуска вместе, в то время как его жена отдыхает на Майами-Бич.

— Хорошо, — голос Шейна был абсолютно трезв. — Я все понял. Ты порыскал вокруг офиса, Джим?

— Да, конечно. И получил много сведений об истории Гаррис-Коллинз. Ничего открытого, явного... Но многие догадываются... Что наиболее важно: насколько я выяснил, его финансовые дела находятся в критическом состоянии. Ничего безнадежного, но... Он с опозданием на несколько недель оплачивает счета. Он ежемесячно выписывает себе чек на две тысячи долларов, снимая их со счета своего офиса. Ничего действительно серьезного, но... я так думаю, страховка на сто тысяч долларов после смерти жены будет ему очень кстати.

— Но ведь ты утверждаешь, что он вряд ли мог сварганить это мокрое дело во Флориде в прошлый понедельник или во вторник?

— Я перепроверил эти сведения, Майкл. Он не мог этого сделать. Я вычислю каждый шаг его здесь и все напишу в своей докладной. Не стоит удлинять счет за междугородние переговоры. Поверь мне, Гаррис не был в Майами и не мог убить свою жену в прошлый понедельник или во вторник.

Шейн сказал:

— Хорошо, Джим. Вышли мне детальный рапорт и счет, и забудь обо всем. — Он уже было положил трубку, но вновь услышал голос Клиффорда.

— Вот еще одна маленькая деталька. Она настолько незначительна, что я даже не хочу включать ее в рапорт... но ты отнесись к ней должным образом, Майк. Имеется слабое предположение, что все-таки его секретарь Рут Коллинз каким-то образом держит его в руках. Эта мысль была высказана главным образом теми, кто знал его жену и недоумевал, как он вообще мог променять ее на другую женщину. И пытаются объяснить это тем, что Рут имеет на него какое-то влияние... Хотя никто толком не знает, в чем тут дело. Вот теперь я отключаюсь, — и он повесил трубу.

Шейн бросил трубку на рычаг и опорожнил свой бумажный стаканчик.

— Мы все время приближаемся к кульминации. Осталось недолго ждать, друг. Налей-ка себе и мне этого нектара и давай вместе порассуждаем логически.

— Придется, если больше нечего добавить к моей статье.

— Итак. Заговор созревает в Нью-Йорке... Люси! — приказным тоном произнес он в открытую дверь кабинета.

Она вошла и остановилась на пороге, покачивая головой в притворном отчаянии, увидев, как Тимоти Рурк наполняет стакан коньяком.

— Входи и присоединяйся к нам, — приказал ей Шейн. — Мы распутываем дело об убийстве, и мне нужна женская логика, а также не совсем трезвая точка зрения. — Он строго указал ей пальцем. — ...На трезвую голову такое дело не распутаешь. Нам нужно вдохновение. Мы получили двенадцать бутылок этого нектара, так давай попробуем немного.

Люси произнесла:

— Ты уже достаточно пьян, — она улыбнулась, достала себе стаканчик и протянула его Шейну, он налил до половины, проигнорировав ее замечание, и продолжал:

— Так вот. Давайте переберем наши основные факты. Вернемся в Нью-Йорк. Гаррис — партнер в небольшой брокерской конторе, откуда он берет ежемесячно две тысячи и тратит их. Он женат на красивой блондинке, которая застраховала свою жизнь на сто тысяч долларов. Он имеет на стороне связь со своей секретаршей, она тоже блондинка, хотя, может быть, не такая красивая. Но сто тысяч долларов помогут поправить дела. Хорошо. Итак, он настаивает, чтобы жена отправилась во Флориду одна на две недели. Время совпадает с отпуском его секретарши! Вопрос номер один: знала ли его жена об отпуске секретарши? Как она к этому отнеслась? — Он остановился, а Люси быстро сказала:

— Конечно, не знала. А если бы знала, то ей, я думаю, было бы не безразлично, как и любой жене.

Шейн сказал:

— А-а! — вновь наполнил гнездившиеся на подносе стаканчики. — Сначала собрание должно рассмотреть странное поведение миссис Гаррис в Майами. Как только леди появляется в отеле, она считает обязательным рассказывать каждому встречному о том, что приехала одна и не возражает поразвлечься. Вот смотрите, кто это был, — он начал загибать пальцы на руке, — ...портье, посыльный, бармен, Джин Блейк, Бенджамин. Последнее имя не должно нигде фигурировать, Тим. Всего пять в течение первого же вечера, проведенного в городе. К чему мы пришли, Люси? — Он вынул фотографию из кармана и положил ее на стол. — Посмотрите на нее, — наставительно сказал он, — вы разговаривали с Гаррисом в субботу утром. Здесь мы, для вдохновения, должны немножко подкрепиться. Давай еще выпьем.

Он и Тим выпили, а Люси устремила свой взор на фотографию.

— Запомните также, — Шейн вдруг заговорил совершенно трезво, — все, что Клиффорд обнаружил в Нью-Йорке, соответствует тому образу Эллен Гаррис, который нарисовал нам ее муж.

Любящая и верная жена. Даже в те годы до замужества, когда работала манекенщицей, она имела репутацию целомудренной. Вот это и беспокоит меня с самого начала. Может ли женщина так внезапно и невероятно измениться? Это невозможно! — сказал он решительно. — Такое бывает только в книгах. Тогда что же произошло? Я даю вам два варианта: либо это не миссис Гаррис прилетела в Майами в понедельник после обеда, либо... она специально обращала на себя внимание, чтобы замаскировать свои преступные намерения... по причинам, нам пока не известным.

Он спокойно отпил глоток коньяка и лучезарно улыбнулся Рурку. Тот попытался возразить:

— Но мы знаем, что это была миссис Гаррис, Майк. Дюжина людей опознали ее по фотографии. И отпечатки пальцев соответствуют.

Шейн кивнул головой, соглашаясь:

— Мы все знаем, что отпечатки пальцев не лгут, и нью-йоркская полиция не ошибается. Хорошо, нам придется согласиться с фактом, что умершая женщина — миссис Гаррис. К этому мы еще вернемся. Если она разгуливала везде и, привлекая к себе внимание, давала понять мужчинам, что ее легко можно уговорить, — почему? С какой стати ей это понадобилось?

Никто из них не ответил. Он отпил еще глоток и заявил:

— Вот в этом суть проблемы. Давайте расколем орешек. Иди сюда, Тим. Тебе надо для вдохновения. Колокола ада звонят, друг, и ты, и я раскалывали в прошлом орешки покрепче. — Он наклонился и налил прекрасного выдержанного коньяка в стакан Рурка. — Тебе тоже налить, ангел?

Люси положила руку на свой стакан и рассеянно покачала головой.

— Ответ напрашивается один: она намеренно играла роль легкодоступной женщины. Собираясь на несколько дней покинуть отель, она решила, что таким образом сможет избежать шума по этому поводу. Боюсь, что я не совсем ясно выразился. Но она знала, что, если ее номер будет пустовать, обязательно начнут расспрашивать служащих отеля: портье, посыльного, бармена. И если решат, что она — такого сорта женщина, которая может ночевать в другом месте, то не предпримут никаких шагов и дадут возможность событиям развиваться своим чередом. Что в действительности и произошло, — указал Шейн. — Не вызывает сомнений, что Боб Меррил получил именно такие сведения о ней. Но так как она оплачивала номер в отеле по кредитной карточке, ее багаж был на месте, он ничего не предпринял, получив рапорта. Таким образом, логически мы проследили, как она действовала, и это выводит нас к другой, главной загадке. Почему миссис Гаррис запланировала на несколько дней покинуть отель? Каковы причины?

Не получив ответа, он глубоко вздохнул и отпил глоток коньяка.

— На этом этапе давайте обратим внимание на странное совпадение. Я поправляю себя: на кажущееся совпадение. Я не верю в совпадения, во всяком случае, в таких делах. Я имею в виду тот факт, что Рут Коллинз исчезла из Нью-Йорка в понедельник... в тот же день, когда миссис Гаррис вылетела в Майами и въехала в отель «Бич-Хэвен». Рут сказала своей соседке, что собирается отправиться в понедельник в Кэтскилз на две недели, и уехала. Но она аннулировала свой заказ в отеле в пятницу вечером и нигде не объявилась. Насколько мы знаем, никто с тех пор ее не видел. Куда она уехала? Где она теперь?

Тимоти Рурк взволнованно выпрямился.

— Ты говоришь, что Клиффорд упомянул о большом сходстве между ней и миссис Гаррис? Обе — блондинки, красивы, стройны?

Шейн с ухмылкой кивнул:

— Я все ждал, когда же ты начнешь размышлять.

— Но черт возьми, это же невозможно, — возразил Рурк, откинувшись на спинку кресла и снова отпил глоток коньяка. — Слишком много людей узнали на этом снимке Эллен Гаррис. Если бы обе женщины были так сильно похожи, Клиффорд наверняка сказал бы об этом.

Шейн кивнул:

— Да. Я не думаю, что они были близнецами или что-нибудь в этом роде. Я все-таки не могу понять, куда исчезла Рут Коллинз.

Люси Гамильтон, поколебавшись, пробормотала:

— А если все эти люди ошиблись при опознании фотографии? Но нет, — она решительно тряхнула головой. — Мы знаем, что мертвая женщина — миссис Гаррис.

— Мы постоянно к этому возвращаемся, — согласился Шейн, — а это приводит нас к другому важному вопросу. Почему ее лицо изуродовали до неузнаваемости? В наши дни все знают об отпечатках пальцев. Если вы хотите, чтобы идентификация стала невозможной, надо либо отрезать, либо покалечить пальцы.

— Глупый убийца мог не задуматься над этим, — предположил Рурк. — Если он знал, что отпечатки ее пальцев нигде не зарегистрированы, он мог думать, что других способов проверки нет, не догадываясь, как это просто для полиции — достать для сравнения отпечатки ее пальцев из квартиры в Нью-Йорке.

— Извини, Тим, я не думаю, что Герберт Гаррис глуп. Наоборот, я начинаю верить, что он был близок к совершенству, совершая преступление.

— Ты думаешь, это сделал он?

— Его жена мертва, — резко сказал Шейн. — Ему остается получить по страховке сто тысяч долларов. Он не очень платежеспособен, у него есть другая женщина. Уж слишком много совпадений для того, чтобы их легко было переварить. Да, я думаю, что Герберт Гаррис — наш мальчик. И, боже мой, уже начинает понемногу проясняться, как он все это обставил.

— Как? — в один голос воскликнули Люси и Рурк. Шейн допил свой коньяк, приводя в порядок мысли. Он говорил очень медленно, как бы взвешивая каждое слово.

— Давайте предположим, что миссис Гаррис вообще не попала на самолет в Нью-Йорке в понедельник после обеда. Предположим, что она была уже мертва в нью-йоркской квартире, когда самолет поднял в воздух Рут Коллинз, которая воспользовалась билетом миссис Гаррис, взяв ее багаж и сумочку с кредитной карточкой и даже надела ее эффектное обручальное кольцо. Когда Гаррис вернулся из аэропорта, проводив Рут, наступило время положить тело, пока оно не совсем окончено, в багажник автомобиля.

Рут прекрасно играет свою роль. Она предполагает исчезнуть в понедельник вечером, а Гаррис старательно появляется в Нью-Йорке в надлежащих местах в положенное время, чтобы обеспечить себе алиби. Он партнер в брокерской фирме, поэтому для него не составляет труда организовать для себя поездку в Чарльстон в четверг вечером. Впоследствии всем покажется совершенно естественным то, что он экспромтом, под влиянием минуты, решил поехать в Майами, чтобы провести уик-энд со своей женой. Подожди минутку, Тим, — предупредил он жестом репортера. — Я знаю, что ты хочешь сказать, но позволь мне выразить свою мысль до конца. Рут Коллинз исчезла из отеля «Бич-Хэвен» в понедельник вечером таким способом, который делает абсолютно очевидным две вещи. Первое: никто серьезно не будет искать ее, пока не появится Гаррис и не поднимет тревогу в субботу утром. Второе: она так умно оставила несколько фальшивых следов, что полиция, обнаружив тело в наемной машине, не очень-то удивилась, что ее убили. Самое надежное место для нанятой машины с наклейками на стекле — это стоянка у отеля. И вот мы видим, как Гаррис прибыл на машине из Чарльстона ранним утром в субботу, встретив секретаршу на машине, взятой напрокат, в условленном месте и переложил труп жены из своей машины в другую. Рут возвращается на стоянку у отеля и оставляет там машину с трупом, а затем возвращается туда, где она скрывается с ночи понедельника. Вот теперь мы знаем, почему лицо жертвы было разбито. Чтобы люди, которые видели Рут Коллинз, не могли опознать труп. Гаррис очень хорошо знал, что по отпечаткам пальцев докажут, что они принадлежат его жене. Ему это необходимо, чтобы получить сумму по страховке. Ну, как идея — вдохновляющая? — Он радостно улыбнулся и наполнил вновь свой стакан, проливая на стол коньяк.

— Чертовски вдохновляющая, — кисло сказал Рурк.

— Все соответствует, — настаивал Шейн, — помните, в багажнике под телом не было ни капли крови. И вы помните, что люди в отеле, которые могли бы опознать тело, видели предполагаемую миссис Гаррис мельком несколько дней назад. Клиффорд говорил, что Рут Коллинз похожа на миссис Гаррис — и цвет волос тот же и фигура, поэтому свидетели могли ошибиться при опознании.

— Но снимок, Майк. — Рурк сердито указал пальцем на фотографию. — Ты же сам предлагал не считать их близнецами!

— Он прав, Майк, — серьезно согласилась Люси. — Мне тоже сначала показалось, что ты точно все определил. И красное платье к тому же. Ее видели в нем в отеле «Бич-Хэвен» — это точно.

— Платье — это еще одно очко в пользу моей теории, — отрезал Шейн. — Планируя дело, Гаррис предусмотрел и это. Все, что ему надо было сделать, — это заказать точно такое же платье в том же магазине, держать его наготове и надеть его на труп, прежде чем засунуть его в багажник. Черт возьми! Тим! Помнишь, ты говорил мне, что по заключению медэксперта она была убита выстрелом в сердце, но при этом платье не пострадало? Поэтому ты предположил, что его оттянули, чтобы пуля прошла, не повредив ткань. Конечно, могло быть и так. Но больше похоже на то, что на ней было что-то другое, когда она была убита, а красное платье надели на нее потом.

— Но все-таки есть бесспорное доказательство — снимки. И этот, и тот, который имеется у Пэйнтера.

— Не так уж много бесспорных свидетельств, Тим. Мне только что стало ясно! — торжествующе воскликнул Шейн. — Ты упомянул снимок, который держит Пэйнтер, и мне стало ясно. Гаррис действительно вручил два снимка своей жены, которые оказались у него в бумажнике. Но что мы знаем об этих снимках? Только то, что Гаррис сказал, будто это фото его жены. А если это — Рут Коллинз, а не Эллен Гаррис? Вот теперь, мой бог, все совершенно ясно.

Он с ликованием налил полный стаканчик коньяка и с явным триумфом выпил половину.

— Подожди-ка минутку, — лицо Рурка прояснилось — его осенило. — Господи, Майк, это сработает!

Люси кивала тоже, по ее лицу было видно, что какая-то мысль не дает ей покоя. Протягивая свой стакан, она сказала:

— Налей-ка мне еще, и я думаю... Я теперь точно могу понять, о чем ты говоришь.

Шейн налил ей стакан до краев. Тимоти Рурк медленно поднялся на ноги. Его глаза блестели в счастливом волнении.

— Гаррис выезжает сегодня, после обеда, в Нью-Йорк. Он сказал мне, что собирается ехать прямо туда, остановится только, может быть, на несколько часов поспать. Его жену сегодня утром кремировали. Если мы вызовем Пэйнтера, может, не поздно будет схватить его?

— На каком основании?

— Но, черт возьми, ты только что обрисовал все дело.

— Теоретически, Тимоти. Что, ты думаешь, Пэйнтер скажет об одной из пьяных теорий Майкла Шейна? Нет, пусть Гаррис снимется с места. Он не собирается исчезать. Сейчас он очень довольный и счастливый человек. Все прошло гладко, без зацепки, как он спланировал. Тело его жены кремировано, и ему остается получить от страховой компании чек на сто тысяч долларов. Нам нужна фотография Эллен Гаррис, именно ее настоящая фотография. Позвони-ка Джиму Клиффорду, ангел.

Люси вышла к своему столу и набрала номер. Рурк посмотрел на часы, нетерпеливо меряя шагами комнату.

— Для сегодняшнего выпуска газеты — уже поздно.

— Отложи до завтра, и ты получишь полную историю с фотографией Эллен Гаррис, подтверждающей истину.

Зазвенел зуммер на столе, Шейн поднял трубку.

— Джим? Еще одна маленькая работенка, и мы бросим обвинение в убийстве Герберту Гаррису.

— Но я тебе говорил, Майкл...

— Забудь про все, что ты мне говорил. Сделай только то, о чем я тебя прошу. Срочно достань недавнюю фотографию Эллен Гаррис и пошли авиапочтой с отметкой «специальная доставка». Снимков должно быть много, раз она когда-то работала манекенщицей.

— Естественно. Они показывали мне целую пачку в агентстве, где она работала прежде.

— Если сможешь, достань также снимок Рут Коллинз. И пометь, пожалуйста, обязательно каждую, кто есть кто. Если не сможешь вовремя достать снимок Коллинз, позаботься, чтобы снимок миссис Гаррис попал на ночной рейс самолета. Я буду ждать его завтра утром в офисе.

Клиффорд сказал:

— Хорошо, будет сделано, — и положил трубку.

Шейн потянулся за полупустой бутылкой «Кордон Блю» и отхлебнул из горлышка.

ГЛАВА 17

На следующее утро Майкл Шейн добрался до своего офиса ровно в девять часов, когда Люси открывала дверь. Его глаза были ясны и жизнерадостны, и Шейна шокировал ее вопрос:

— Голова не болит после вчерашнего?

— После «Кордон Блю»? Это было бы кощунством. Между прочим, когда ты собираешься купить приличные бокалы?

— Может, когда пойду на ленч.

Она хотела войти первой, но он схватил ее за руку и развернул обратно.

— Иди и купи немедленно. Я уверен, что Тим появится через несколько минут и что скоро прибудет «специальная доставка». Мы собираемся праздновать, а старые бумажные стаканчики не подходят к этому случаю. Купи несколько бокалов для вина, не этих огромных, показных, а обычных... ты знаешь, каких. — Он показал, складывая руки, какого размера.

Люси рассмеялась и спросила:

— Из настоящего хрусталя, я полагаю?

— Не более, не менее! Возьми полдюжины, ангел, про запас. — Он энергично вытолкнул ее из офиса и прошел в кабинет, любовно глядя на картонный ящик «Кордон Блю», все еще стоявший на столе.

Когда через полчаса Люси вернулась с большим бумажным пакетом, она обнаружила Тимоти Рурка, сидящего рядом с ее шефом. Перед ними стояла на столе бутылка коньяка, но никаких бумажных стаканчиков на виду. Остальные бутылки были скромно убраны с глаз. Шейн с упреком сказал:

— Мы ждем тебя, Люси. Уж очень долго ты ходила.

— Снимка еще нет?

Шейн посмотрел на свои часы:

— С минуты на минуту должен быть... если Джим отправил его самолетом. — Он помог ей открыть пакет и вынуть полдюжины тонких, горного хрусталя, бокалов, которые — она настояла — сполоснули водой из сифона.

Она только что любовно протерла тонкой бумагой и поставила два прозрачных, сверкающих бокала рядом с бутылкой коньяка, как из-за двери раздался голос:

— Специальная доставка.

— Время рассчитано прекрасно, — просиял Шейн, склоняясь к бутылке. — Принеси пакет, ангел.

Люси поспешила к двери, через минуту вернулась с большим конвертом с надписью: «Фотографии. Не сгибать!», открыла конверт и вытащила два твердых картонных листа и между ними — две фотографии на глянцевой бумаге. На них была изображена одна и та же женщина в двух видах. Очень красивая, молодая женщина... и совершенно определенно — та же самая женщина, снимок которой они получили от Герберта Гарриса.

Они онемели, разглядывая эти фотографии. Шейн открыл средний ящик стола, достал оттуда увеличенные снимки Эллен Гаррис и положил их рядом с теми, которые только что прибыли.

Не было ни малейшего сомнения в том, что одна и та же женщина позировала для всех снимков.

Шейн с шумом вздохнул и поднял рюмку коньяка.

— За другие более удачные идеи. — Он выпил до дна.

— Но так не пьют коньяк из этих бокалов, — запротестовала Люси. — Ты должен...

— Сейчас я должен искать вдохновение, — мрачно сказал Шейн.

Тимоти Рурк торжественно кивнул:

— За приближение логического финала, — и проглотил залпом содержимое бокала.

— Я не понимаю, Майкл, — нерешительно сказала Люси, — ты вчера все объяснил так логично, верно и ясно. Я всю ночь думала над этим и убедилась, что ты прав.

Она наморщила лоб и вновь посмотрела на снимки, затем вдруг с шумом вздохнула:

— Если одна из них — фотография секретарши... — Она перевернула обе фотографии.

На обороте каждого снимка, которые прислал Клиффорд, было ясно напечатано «Мисс Эллен Терри за месяц до бракосочетания с Гербертом Гаррисом. Говорят, что необыкновенно похожа на себя».

— Не везет, — пробормотал Шейн, — близнецов здесь нет.

Люси заглянула в конверт и сказала:

— Внутри осталась записка, — она вытащила листок бумаги и прочитала вслух: «Майкл, я вкладываю две фотографии Эллен Гаррис в разных позах, сделанные до ее свадьбы. Пока не смог достать фотографию неуловимой Рут Коллинз, но, вероятно, смогу, если ты хочешь, чтобы я продолжал попытки.»

— Подписано: «Джим», — закончила она, положив записку на стол.

Шейн сделал гримасу и сел во вращающееся кресло. Он облокотился о стол, лениво вертя в пальцах бокал, и медленно сказал:

— Я всегда не доверял теоретизированию. Но эта теория казалась такой подходящей. Какая же действительно подходит? — требовательно спросил он, — почему Рут Коллинз исчезла из Нью-Йорка после обеда в прошлый понедельник, если она не прибыла сюда под видом Эллен Гаррис? Где же она все это время, черт возьми, скрывалась? Если это была Эллен Гаррис в отеле «Бич-Хэвен»... и, я полагаю, в этом теперь нет сомнения... почему она делает себя подсадной уткой в этом убийстве? Не говорите мне, — простонал он, — будто она так сильно любила своего мужа, что позволила себя пристукнуть, чтобы он мог получить за нее страховку, да и к тому же секретаршу в придачу. В это я отказываюсь верить!

— Я полагаю, что мне не удастся получить сегодня ничего нового, — мрачно пробормотал Рурк.

— Если только у Пэйнтера есть что-нибудь для тебя. Ты давно с ним разговаривал?

— Как раз перед приходом сюда. Первый раз в жизни Пит осторожно признался, что все домыслы иссякли. И он почти готов признать, что это дело рук убийцы—маньяка.

Шейн проглотил остаток коньяка и поставил хрупкий бокал на стол. Детектив закрыл лицо руками и произнес странным, покорным голосом:

— Оба выйдите, пожалуйста, мне нужно подумать.

Они посмотрели друг на друга. Рурк покачал головой и первым вышел из комнаты. Шейн долго сидел один, склонив голову и закрыв глаза. На его грубоватом лице появилась легкая удовлетворенная улыбка. Он встал и вышел в приемную, где Рурк, сидя как птичка на низком барьере перед столом Люси, спокойно с ней разговаривал. Шейн сказал:

— Позвони в аэропорт, Люси. Закажи мне билет на ближайший рейс в Нью-Йорк.

Она с готовностью стала набирать номер. Рурк слез с барьера и требовательно спросил:

— Еще один припадок, Майкл? У тебя есть другая версия?

Шейн сказал:

— Считай, что припадок.

— В чем дело?

Шейн покачал своей рыжей головой и решительно произнес:

— Нет. Я сваял дурака вчера, делая выводы безо всяких доказательств. — Он глубоко вздохнул. — Подумай только, где бы я был сегодня, если бы позволил тебе позвонить Пэйнтеру и убедить его задержать Гарриса.

— Но ты этого не сделал.

— Я посидел здесь один без вас, потягивая коньячок, и переплюнул Шерлока Холмса своей дедуктивной удалью. Этот вариант я никому не выдам.

Люси сказала ему:

— Ближайший самолет, где есть свободное место, приземляется в международном аэропорту в четыре сорок после обеда.

Он кивнул и сказал:

— Забронируй. Затем позвони Клиффорду. — Он крупным шагом подошел к столу, поднял бутылку коньяка, крепко закрыл ее пробкой и поставил в один из ящиков картотеки позади своего стола. Обернувшись, он посмотрел на Рурка, который наблюдал за ним, и сказал с кривой усмешкой:

— Очень сильнодействующее питье... «Кордон Блю». Вызывает иллюзию грандиозной и несбыточной победы. Я ни капли не возьму в рот, пока не распутая это дело.

— Что ты собираешься делать в Нью-Йорке сегодня после обеда?

— Что я надеюсь сделать в Нью-Йорке сегодня после обеда, — поправил его Шейн.

Зазвонил телефон и он поднял трубку:

— Джим? Фотографии, которые ты мне прислал — великолепны, но это не то, что мне надо. Ты случайно не ошибся, а?

Послушав немного, детектив мрачно кивнул головой:

— Хорошо, Майкл Шейн отправляется в дорогу. У тебя найдется доступ к нью-йоркскому полицейскому департаменту?

Клиффорд осторожно ответил:

— Пара ребят оттуда могут уделить мне часть своего времени, если я заплачу за это.

Шейн ухмыльнулся в телефон:

— Я знаю это лучше тебя, Джим. Я прибываю самолетом в международный аэропорт в четыре сорок сегодня, после обеда. Я хочу, чтобы ты меня встретил, Джим. Ухитрись получить дубликат отпечатков пальцев Эллен Гаррис из главного управления. Полиция Майами-Бич послала их для точной идентификации тела. И захвати с собой в аэропорт специалиста по отпечаткам. Было бы неплохо, если бы ты смог привезти того самого человека, который работал в квартире Гарриса в Нью-Йорке.

— Не хочешь ли ты, чтобы я также и комиссара полиции прихватил с собой? — саркастически спросил Клиффорд.

Шейн радостно произнес:

— Обязательно захвати с собой, если он захочет с тобой поехать. Увидимся в четыре сорок, Джим. Люси, сообщи ему сведения о полете, — и он повесил трубку.

— Не намекнешь ли, Майк? — умолял Рурк.

— Ты не получишь пока даже намека, — твердо сказал Шейн. — Я чувствовал себя вчера точно так же, и смотри, что из этого вышло.

ГЛАВА 18

Джим Клиффорд, который встретил Майкла Шейна крепким рукопожатием в международном аэропорту Нью-Йорка, оказался высоким, приветливым человеком с приятными манерами и интеллигентным лицом. Они знали друг друга со старых времен, когда оба были оперативниками в международном отеле, и сохранили взаимное уважение и симпатию.

С Клиффордом был коротенький, немного полноватый человек, с оливковым цветом лица, кустистыми черными усами и дружелюбной улыбкой. Клиффорд представил его, как Анжело Ферми, сыщика нью-йоркской полиции. Пробиваясь через переполненный аэровокзал на стоянку к машине, Клиффорд сказал Шейну:

— Единственно, чем я смог заманить Ферми сюда, — это пообещать ему, что ты расскажешь, как сделать ТВ-представление с Ферми.

Шейн ухмыльнулся и сказал нью-йоркскому детективу:

— Вам оно не понравится. Если вы хоть раз увидите представление обо мне, то поймете, почему оно мне не нравится.

— Мне нравятся деньги, которые получают из таких телешоу, — убедительно сказал Ферми. — У меня есть идея о серии, построенной исключительно на том, как при помощи отпечатков пальцев можно распутать, казалось бы, абсолютно безнадежные дела. Все достоверно и подтверждено протоколами. Я уже двадцать лет собираю материал, но не знаю, как приступить к этой затее. — Его влажные, черные глаза заблестели.

Шейн очень серьезно сказал:

— Я вот что скажу вам, Ферми. Если это дело закончится сегодня вечером так, как я думаю, то Бретт Холлидей будет здесь, чтобы получить от вас сведения, которые помогут ему сделать из них книгу. Бретт — один из тех, кто знает всех телевизионных ангелов. Вы переговорите с ним, и он даст вам точную информацию.

Клиффорд остановился на стоянке машин у просторного, черного «Седана» и стал открывать дверцу на стороне водителя. Шейн дал возможность Ферми забраться в машину первому и затем сел сам.

— У вас есть набор отпечатков пальцев Эллен Гаррис? — спросил он, когда машина отъехала от стоянки.

— Да. У меня в рабочей сумке, позади. — Ферми заколебался, его глаза настороженно блеснули. — Джим не сказал мне толком, зачем я вам сегодня понадобился. Не ответив ему, Шейн заговорил с Клиффордом:

— Сначала, я хочу отправиться к дому Рут Коллинз, на Вест—Сайд. Ее соседка будет дома?

— Думаю, что да, — Клиффорд посмотрел на часы, — единственное время, когда я мог поймать ее дома, — это между пятью и семью вечера.

— Вы тот человек, которому было поручено проверить отпечатки пальцев умершей женщины в квартире Гарриса? — спросил затем Шейн Ферми.

— Да, обычное дело. У вас есть вопросы в отношении достоверности идентификации, мистер Шейн?

Шейн сказал:

— Я уверен, что вы свое дело знаете. Но здесь есть фокус-покус, который, надеюсь, я смог вычислить. Я не буду заранее объяснять, что я хочу найти, чтобы не влиять на вас. Давайте просто договоримся: вы проделаете ту же самую работу в квартире Рут Коллинз, что и в квартире Гарриса в прошлое воскресенье для полиции Майами-Бич.

В это послеобеденное время Клиффорд выбрал мост Триборо, как самый короткий путь к началу Вест—Сайда. Ему удалось сэкономить немало времени, почти не останавливаясь у светофоров. Было около шести часов, когда он затормозил перед старым четырехэтажным кирпичным зданием на 76-й Вест-стрит.

Они вышли из машины. Анжело Ферми взял с заднего сиденья свою черную кожаную сумку, которая выглядела как докторский саквояж, и они поднялись по ступенькам, ведущим в

маленькое фойе с почтовыми ящиками на каждой стороне. Клиффорд проверил ящики и нашел один, на котором стояли имена Коллинз — Грэншоу под номером 1—с.

Он нажал на кнопку звонка под номером, и через секунду послышался щелчок автоматического реле. Шейн повернул ручку и провел всех по слабо освещенному коридору. В его дальнем конце открылась дверь и оттуда выглянула яркая брюнетка. Шейн подошел к ней поближе и спросил:

— Мисс Грэншоу?

— Да... Я... Кити Грэншоу, — она с любопытством посмотрела на Клиффорда и Ферми и, полузакрыв дверь, спросила: — В чем дело?

— Полиция, мисс Грэншоу, — очень любезно ответил ей Шейн. — По поводу вашей соседки, которая считается пропавшей. Можно мы войдем и зададим несколько вопросов?

— Вы нашли Рут? — она открыла дверь, пропуская мужчин, которые шеренгой прошли в большую, с высокими потолками комнату, где царил милый беспорядок.

Шейн ответил:

— Не совсем, мисс Грэншоу. Все зависит от идентификации, — объяснил он. — Это детектив Ферми, которому надо снять несколько отпечатков пальцев, и инспектор Клиффорд, — добавил он мимоходом.

— Отпечатки пальцев кого? — переспросила она с подозрением, следуя за ними в гостиную.

— Вы первая, мисс Грэншоу, если вы не возражаете, — быстро сказал Ферми, подойдя к столу в центре комнаты и открывая свою сумку. — Только для проверки, чтобы мы смогли различить ваши отпечатки и отпечатки вашей соседки. — Он вытащил из сумки какие-то предметы и положил их на стол. — Это займет только секунду, если вы подойдете сюда и приложите свой пальчик к чернильной подушечке.

Мисс Грэншоу нервно сцепила руки за спиной:

— Разве это не вторжение в личную жизнь? Мне кажется, я читала, что никого нельзя насильно заставить дать отпечатки пальцев для регистрации, если не будет обвинения в серьезном преступлении. Вы не обвиняете меня, надеюсь, в каком-то преступлении?

— Это не для регистрации, мисс Грэншоу, — обезоруживающе улыбнулся Ферми. — Мы должны обязательно сличить отпечатки пальцев мисс Коллинз с теми, которые здесь обнаружим. Чтобы это сделать, нам нужно иметь также ваши, чтобы их потом уничтожить. Прошу вас понять.

Она смущенно улыбнулась:

— Ну, раз так...

Она неуверенно сдвинулась с места и позволила эксперту проделать необходимую процедуру. Он поблагодарил ее и спросил:

— У вас отдельные спальни?

— Да. Спальня Рут здесь, — она указала на закрытую дверь. — Направо. Я не знаю... Я не была там с тех пор, как она уехала.

Ферми поблагодарил ее и исчез со своей сумкой за дверью. Кити повернулась к Шейну и Клиффорду и спросила:

— Что вы выяснили о Рут? Она вообще не ездила в Кэтскилз?

— По-видимому, она не была там. Фактически... — он заколебался. — Детектив Шейн из Майами, Флорида, — твердо сказал он ей. — Есть причины считать... Говорила ли она вам ненароком, что, может быть, поедет во Флориду вместо Кэтскилза? Или вы заметили, например, что она собирала вещи, более подходящие для юга, чем для гор?

— Нет, — сказала она. — Я ничего не заметила. Наоборот. Вы думаете, с ней что-нибудь случилось?

Прежде чем Клиффорд смог ответить, Ферми по-кошачьи мягко вышел из спальни. Его сумка была закрыта, лицо выражало явное удовлетворение. Он кивнул Шейну и Клиффорду:

— Что касается меня, то все в порядке.

— Получили то, что мы хотели? — спросил Шейн.

— Очень много... — Он быстро пошел к двери, двое последовали за ним, оставляя в центре комнаты ничего не понимающую мисс Грэншоу.

ГЛАВА 19

Джим Клиффорд притормозил перед большим многоквартирным домом на Ист—Сайд.

— Наш друг Гаррис уже добрался. Вот его «бьюик».

— Откуда ты знаешь, что это его? — спросил Шейн, когда все трое выходили из машины. — Ты никогда не видел ни машины... ни хозяина.

Клиффорд гордо посмеивался, когда они шли по коридору.

— Я знаю номер машины. Черт возьми, я могу вам сказать даже, какого цвета носки надел Гаррис в день своего рождения.

Привратника не оказалось. Они вошли в фойе с паркетным полом, с аккуратным рядом почтовых ящиков из сверкающей меди. Детектив Ферми, который был уже здесь однажды, сказал:

— Кажется, это 7—д, — и посмотрел на почтовый ящик, чтобы проверить номер. Он кивнул и повел всех к лифту. Они поднялись на седьмой этаж.

Шейн нажал на кнопку звонка номера 7—д, и тут же Герберт Гаррис открыл дверь. Он был в майке, его небритое лицо казалось изможденным. В руках он держал бокал с коктейлем. Гаррис взглянул с изумлением на Шейна и его спутников.

— Мистер Шейн? Как это вы очутились в Нью-Йорке?

— Вы наняли меня, чтобы выполнить работу, — спокойно ответил ему Шейн, проходя вперед, в то время как Гаррис пятился в большую, приятную и очень опрятную комнату. Возле ванной стоял чемодан Гарриса, на котором лежал его пиджак. — Вы мне дали хороший аванс, — добавил он, — и я собираюсь отработать его. Это два нью-йоркских инспектора-детектива — Клиффорд и Ферми.

Гаррис вежливо кивнул, но было очевидно, что он находится в большем недоумении, чем прежде.

— ...Я нанял вас, чтобы вы нашли мою жену, когда она исчезла, — выдавил он из себя. — Я вполне доволен вашей работой.

Шейн сказал:

— А я — нет. Я все еще ее разыскиваю, Гаррис.

— Вы еще... разыскиваете? — едва слышно произнес он. — Но она... ее вчера кремировали.

Шейн покачал головой:

— Кремировали, но не вашу жену. Вчера утром в Майами состоялась кремация Рут Коллинз. Где прячется ваша жена?

— Это невероятная фантастика. — Гаррис упал в кресло, прикрывая глаза рукой. — Вы с ума сошли? Дюжина людей в Майами опознала на фотографии мою жену.

Шейн мягко произнес:

— О, это действительно ваша жена в Майами в понедельник вечером привлекла к себе всеобщее внимание. Но в багажнике машины, которую она взяла напрокат, оказалась... Рут Коллинз.

— Но она... это была Эллен, — закричал в отчаянии Гаррис. — Полиция Майами-Бич проверила отпечатки ее пальцев здесь, в Нью-Йорке, и получила положительный результат.

Шейн сказал:

— Все это мне известно. Инспектор Ферми снова здесь. Он приходил сюда в квартиру, чтобы получить отпечатки для сравнения. Расскажите нам, как вы все это проделали.

Ферми пожал плечами и сказал:

— Квартира была чиста, стерильна, как и теперь. Конечно, всегда можно найти отпечатки пальцев, если квартира обжита, независимо от того, как бы аккуратно ее не прибрали. Я посыпал порошком ванную и спальню, в особенности шкаф для одежды, которым обычно пользуется жена. Я обнаружил множество чистых следов недельной давности, которые точно соответствовали образцам из Майами-Бич. Там также были мужские отпечатки пальцев и несколько — другой женщины, которые, я думаю, принадлежат служанке.

— Ну вот, — сказал Гаррис. — Как вы можете противоречить тому, что говорит инспектор?

— Я ему не противоречу. У меня просто имеется другое объяснение. Я уверен, что вы и ваша жена тщательно уничтожили все отпечатки ее пальцев, прежде чем она отправилась во Флориду в понедельник. Затем вы после обеда привезли сюда секретаршу Рут Коллинз. Она покинула свою квартиру с чемоданом, упакованным для предполагаемого отдыха в Кэтскилз. Вместо этого она в счастливом настроении въехала в эту квартиру, чтобы поиграть роль хозяйки в течение двух недель. Вы, конечно, предложили ей пользоваться ванной и туалетным столиком вашей жены. Когда вы убедились, что улики хватают, вы выстрелили ей в сердце, Гаррис, а затем разбили ее лицо до неузнаваемости. Вы, должно быть, здорово ненавидели ее, чтобы совершить такую жестокость. Чем же она так мешала вам? Что-то в офисе не так было? Может, вы запустили руку в фонды компании? Поэтому вам так отчаянно необходимы были деньги от страховой компании после смерти вашей жены, и вы убили другую женщину, чтобы их получить?

— Нет, нет, нет! — дико закричал Гаррис. Он вскочил на ноги, уронив бокал на ковер. — Со мной этого никогда не могло произойти! Это самая безумная ложь, которую я когда-либо слышал. Вскрытие показало, что тело моей жены было положено в багажник машины, взятой напрокат, в пределах двух часов после смерти, не позднее, чем во вторник ночью!

Шейн холодно сказал:

— Вскрытие показало, что ее тело было втиснуто в багажник «какой-то» машины через пару часов после ее смерти. Но это не была машина, взятая напрокат, это произошло не в Майами, Гаррис. Это был багажник вашего «бьюика», прямо здесь, в Нью-Йорке. Нью-Йоркская полиция только что взяла вашу машину на химический анализ в лабораторию, — закончил он с отвращением. — Они проводят анализы, результаты которых не оставят ни малейшего сомнения в том, что тело вашей секретарши пролежало четыре дня в багажнике вашей машины, прежде чем рано утром в субботу оно было перенесено в багажник машины, взятой напрокат в Майами. — Шейн помолчал и продолжил:

— Мы только что приехали из квартиры Рут Коллинз, где Ферми обнаружил десятки отпечатков пальцев, доказывающих, что умершая женщина жила там. Ну, а теперь, где прячется ваша жена? Мы должны арестовать ее как соучастницу преднамеренного убийства Рут Коллинз. И если существует еще справедливость на свете, то она сядет на электрический стул вместе с вами.

— Она... боже, она... — Герберт Гаррис упал в кресло и, закрыв лицо руками, зарыдал.

Шейн пожал плечами и сказал Ферми:

— Теперь он ваш. Питеру Пэйнтеру наверняка это не понравится, но преступление совершено. Теперь дело за юристами. Пойдем, Джим, поищем бар, где имеется хороший запас «Кордон Блю».